

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИСЛАМСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ
ТУРЕЦКИХ ПОЭТОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ХРЕСТОМАТИЯ

**КАЗАНЬ
2014**

УДК 821. 512. 161 : 297 (075. 8)

ББК 83.3 (0) 4 (5): 86. 38 я 73

И 87

Научный редактор

канд. филол. наук, доцент **А.Р. Рахимова**

Рецензент

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Института Востоковедения РАН

Альфина Тагировна Сибгатуллина

И 87 Исламская тематика в творчестве турецких поэтов Средневековья:

хрестоматия /сост. А.М. Нигматуллина. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 120 с.

ISBN 9785 000 19 176-7

Хрестоматия содержит образцы статей и переводных текстов по турецкой литературе, охватывающих период XIII – XVII вв. В них отражены основные этапы становления и развития истории средневековой турецкой литературы, а также даны сведения об авторах и их роли в литературе исследуемого периода. Приведенные тексты показывают историческую действительность и эстетические взгляды общества того времени. Предназначены для студентов, изучающих курс истории турецкой литературы, и дают возможность расширить знания в этой области.

Допущено Научно-методическим советом по изучению истории и культуры ислама в качестве пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 032000.62 «Зарубежное регионоведение», профиль подготовки Афро-азиатские исследования; квалификация (степень) выпускника Бакалавр.

УДК 821. 512. 161 : 297 (075. 8)

ББК 83.3 (0) 4 (5): 86. 38 я 73

ISBN 9785 000 19 176-7

© Нигматуллина А. М., 2014

© Казанский университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Раздел 1	
Турецкая литература раннего средневековья (XIII – XIV вв.).....	10
Раздел 2	
Эпоха становления турецкой (османской) литературы (XIV – первая половина XV вв.).....	45
Раздел 3	
Турецкая (османская) литература в период наивысшего подъема (XV – начало XVII вв.).....	75
Заключение.....	101
Литература.	104
Тематические вопросы для самопроверки.....	104
Тестовые задания.....	106
Рекомендуемая литература.....	117

ВВЕДЕНИЕ

Как и другие древние народы мира, тюрки пережили многочисленные исторические и политические события, которые, безусловно, оказали огромное влияние на формирование национального мышления и национальной культуры тюрков, тем самым стремительно вовлекая их в международную жизнь. В результате этого тюрки завоевали в мировой культуре своё особое место, одновременно став частью всемирного культурно-исторического процесса.

Формирование турецкой письменной светской литературы Диван (далее Диван) относят к XI – XII векам, т.е. к периоду принятия тюрками Ислама. Несмотря на это, своими корнями литература Диван уходит в глубокую древность и опирается в устное народное творчество древних тюрков. Об этом можно утверждать, судя по произведениям, которые создавались ими на протяжении многих веков, в различные исторические периоды.

Ещё до принятия Ислама тюрки имели богатую литературу, о чём свидетельствуют древние тюркские эпосы и первые письменные памятники тюркской литературы. Именно литература донесла до наших дней такие духовные ценности тюркской народности, как привязанность к своим корням, уважение к старшим, слово чести, чувства совести и справедливости, долг перед отечеством, святость семейных отношений, почтительные взаимоотношения между членами семьи и многие другие нравственно-этические ценности. Достаточно упомянуть всемирно известные «Орхоно-Енисейские надписи» и «Книгу отца моего Коркуда», чтобы дать представление о внутреннем мире, об образе жизни, обрядах и обычаях древних тюрков и об их высокой духовной культуре до принятия Ислама.

Первым исламско-тюркским государством было государство Караханидов. Именно караханидский период стал связующим этапом между древнетюркской и исламско-тюркской литературами, взаимодействие которых происходило не так уж и гладко. Разногласия наблюдались во всем: в вероубеждениях, в образе жизни, в языке, во вкусах и во взглядах на происходящие процессы, и т.д., которые, приобретая внутривластный характер, безусловно, отражались в культурной жизни тюрков, в частности в литературе. Несмотря на это, прогрессирующая именно при караханидах культурная обстановка выдвинула из

тюркской среды на общественную арену просвещенных, патриотически-ориентированных поэтов-мыслителей. «Словарь...» первого ученого-тюрколога Махмуда Кашгари, «Подарок Истин» Ахмеда Югнаки и многие другие являются непревзойденным духовным наследием нынешних потомков. Судя по большому числу сохранившихся произведений поэтов и писателей, литература караханидского периода в Центральной Азии была довольно значительной.

Ислам совершил огромный переворот в жизни и культуре тюрков. После принятия Ислама арабский и персидский языки, арабо-персидская литература и арабо-персидская культура, в которых процесс исламизации уже был завершен, оказали сильное влияние на образ жизни, мировоззрение, литературу и, вообще, на всю культуру тюрков. С этой точки зрения неоспоримо влияние арабо-персидских литературных норм, сформировавшихся, в свою очередь, тоже на основе исламской культуры, на формирование тюркской литературы Дивана, которое отчетливо видно в произведениях XI – XIII веков, в частности в поэтических диванах (сборниках стихов). Бытует мнение о том, что духовная сила, вдохновляющая поэзию и музыку у народов, исповедующих Ислам, идёт от распевания и пересказа Корана. Другими словами, народы с древней культурой, принимая Ислам, еще более усовершенствовали свою литературу, обогащая её эстетикой ислама.

Безусловно, с принятием Ислама тюрки стали жить по законам шариата. Так как священный Коран и все религиозные книги были на арабском языке, приходилось переводить их на тюркские языки и обучать население арабскому языку. В связи с этим в языке тюрков тоже произошли большие изменения. Процесс арабизации языка происходил в культуре всех народов, принимавших Ислам. Например, у персов, после принятия Ислама, возник новоперсидский литературный язык. Впоследствии произведения, написанные именно на этом языке, оказали сильное влияние на формирование поэзии Дивана.

Перед тюркскими учеными и литераторами стояла задача создавать произведения, соответствующие как требованиям времени и вкусам высших сословий, так и уровню народа. Произведения, предназначенные для высших слоев общества, т.е. для образованных людей, отличались глубоким смыслом, научным содержанием и философскими размышлениями, а произведения, создаваемые для простого народа, носили поверхностный характер и имели доступный язык, но вместе с тем несли в себе определенную информацию. Поэты сочиняли стихи как в форме

четверостиший, присущих исконно тюркской литературе, так и в метрике аруз, которую они переняли из арабо-персидской литературы.

Необходимо отметить, что именно караханидский период создал благодатную почву для дальнейшего процветания турецкой литературы. Именно в этот период произошло разделение тюркской литературы на «светскую», «народную», а впоследствии и на «суфийскую» ветви, которые в дальнейшем составили три большие классификации турецкой литературы.

В процессе исламизации арабский и персидский языки стали официальными языками Османского государства. Но тюркский язык не уступил свои позиции происходящим в культуре изменениям, в результате чего возник новый арабо-персидско-турецкий язык, который в тюркологии называется староосманским языком. В основном на этом языке создавали свои произведения придворные поэты и ученые, откуда в дальнейшем и пошло название придворной литературы – литература Дивана, которая в дальнейшем составила классическую турецкую литературу.

Так из синтеза арабо-персидской культуры, исламского вероубеждения и тюркского мышления зародилась поэзия Дивана, которая составила основу классической турецкой литературы, просуществовала около шести веков и продолжает существовать по сей день в творчестве некоторых современных поэтов.

Согласно историческим процессам, происходившим в жизни тюрков, турецкая литература исследуется в трёх её этапах: 1. Древнетюркском; 2. Раннеклассическом (с принятием Ислама); 3. Национальном (или классическом).

Древнетюркский этап турецкой литературы составляют произведения устного народного творчества; первые памятники письменной литературы доисламского периода – «Орхоно-Енисейские надписи» и немногочисленные переводы относительно различных верований тех времен.

Раннеклассический этап составляют литературные произведения, созданные тюрками после принятия Ислама, т.е. в X – XII веках. К ним относятся «Кутадгу Билик» (Благодатная книга) Юсуфа Баласагунского, «Дивану-люгат-ит-тюрк» (Словарь тюркских языков) Махмуда Кашгарского, «Дивани Хикмет» (Собрание мудрых изречений) Ахмеда Ясави и т.п., которые заполнили переходный этап в истории турецкого языка – от древнетюркского языка к только сформировавшемуся османскому языку.

Как было отмечено выше, начиная с XIII века турецкая литература классифицируется следующим образом: а) Высшая Светская литература; б) Народная литература; в) Суфийская литература. С этого же века начинается разделение тюркского языка, в зависимости от географии, на три большие ветви: 1) язык среднеазиатских тюрков; 2) язык османских тюрков; 3) язык тюрков-азери, которые уже к этому периоду имели богатую литературу.

Высшая Светская литература была литературой образованных людей и предназначалась для высших слоев общества. Она читалась во дворцах, в обществе высокопоставленных лиц и в медресе. Светские люди того времени отличались многосторонностью интересов, увлекаясь, наряду с философией и наукой, поэзией и политикой, игрой в шахматы. Передовыми мыслителями этого периода выдвигались идеи гуманного, гармоничного развития личности, они пытались проникнуть в суть природы человека, стремились учесть социальные и биологические детерминанты воспитания. Особенно подчеркивалась социальная сущность человека. Первыми произведениями Высшей Светской тюркской литературы являются вышеупомянутые «Кутадгу Билик» Ю. Баласагуни и «Атабетуль Хакаик» Ахмеда Югнеки.

Народная литература возникла и существовала в необразованной народной среде. Главной особенностью этой литературы было то, что она бытовала в основном в устной форме и звучала в сопровождении струнного инструмента, в данном случае – саза. Исходя из того, что образцы народной литературы передавались из поколения в поколение, переходя из уст в уста, сведения об их авторах не сохранились. Потому они и считаются народными. Главными образцами древнетюркской Народной литературы являются легенды и четверостишия – «мани», «кошма». В письменной форме они впервые встречаются в «Словаре...» М. Кашгарского. Отметим, что черты доисламской народной литературы проявляются и в послеисламской турецкой литературе, в частности в повестях и легендах, повествующих о принятии и распространении Ислама среди тюркских народов. В них древнетюркские мотивы, приобретая исламское содержание, описываются по-новому. Первым произведением Народной литературы караханидского периода, является «Тезкире о Сатуг Бугра Хане», в котором повествуется о жизни, об отваге, о качествах тюркского правителя, который, первым приняв Ислам, распространил мусульманство во всем тюркском мире. В этом произведении мастерски сочетаются вымысел и реальность, древнетюркские мотивы и исламские понятия. Такой тема-

тический синтез и послеисламской тюркских литератур, присущий данному произведению, характерен для всех произведений последующей турецкой Народной литературы.

И, наконец, Суфийская литература, создаваемая поэтами-суфиями, изначально имела религиозное содержание и тоже входила в придворную литературу. Однако со временем приняв житейские мотивы, она стала пользоваться популярностью среди народа. Поэты-суфии, будучи привержены старым традициям стихосложения и стараясь быть ближе к народу, сочиняли свои стихи в форме четверостиший (в силлабической и силлабо-тонической метриках стихосложения), характерных для тюркской народной устной поэзии, но параллельно пользовались и арабо-персидским «арузом». Яркими представителями данной литературы являются Джелаледдин Руми и Юнус Эмре, которые оставили неизгладимый след в турецкой литературе и заслужили всемирное признание¹.

Поэзия остается ведущим видом словесного творчества на протяжении всей шестивековой истории старой турецкой литературы. Так называемая диванная поэзия пользовалась в основном персидскими формами (месневи, касыда, газель, рубаи и др.), в свою очередь часто восходящими к арабским, которые построены на иных, нежели турецкая народная поэзия, структурных принципах, в том числе иной, квантитативной метрике – арузе, иных правилах ритмических организаций. Поэтические жанры превалировали; проза (в XIII – XIV вв. в основном переводные религиозно-философские и дидактические сочинения) была представлена слабее, а драматургия проходила, по существу, еще свой фольклорный этап, оставаясь в рамках устного коллективного творчества. Такое соотношение жанров сохранялось на всем средневековом этапе вплоть до рождения новой литературы (вторая половина XIX в.).

Таким образом, при изучении турецкой литературы средних веков важно ставить акцент не на том, что средневековый канон продолжал сохраняться на всем протяжении ее истории, а на том, что он, несмотря на устойчивость традиции, поддерживаемой феодально-клерикальными верхами, постепенно размывался, и что в литературном процессе проявляли себя творческие порождения типологически иного качества².

¹ Гадимова Ш.И. У истоков турецкой письменной светской литературы «Диван»: «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни [Текст] // Молодой ученый. 2011. № 2. Т.1. С. 185–190.

² Боролина И.В. Тюркские литературы и фольклор. М., 2004. С. 153.

Материалы, представленные в данной хрестоматии, являются частью курса «Турецкая литература», цель которого – формирование у студентов первоначального представления литературе изучаемого региона; получение сведений об основных закономерностях ее становления и исторического развития, о ее положении в системе мировой литературы и связях с другими литературными традициями на разных исторических этапах.

Данная хрестоматия является наглядной иллюстрацией образцов словесных памятников средневековой турецкой литературы, а также исследовательских трудов в этой области. Предназначена для студентов, обучающихся по направлению подготовки 032000.62 «Зарубежное регионоведение», профиль подготовки Афро-азиатские исследования; квалификация (степень) выпускника Бакалавр, в качестве дополнительного материала при самостоятельном изучении соответствующих разделов по курсу «Турецкая литература». Подбор текстов и статей, вошедших в данный сборник, осуществлялся путем отражения и популяризации в них произведений исламского периода турецкой литературы.

Материалы для библиографических справок о турецких писателях, тексты, статьи и научные исследования, которые включены в хрестоматию, заимствованы из книг отечественных и зарубежных авторов (литературоведческие работы: И.В. Боролина «Из старой турецкой поэзии», И.В. Боролина «Тюркские литературы и фольклор», Л.Алькаева, А. Бабаев «Турецкая литература», В.С. Гарбузова «Поэты средневековой Турции», сборник под ред. Н.А. Таранова «Золотая поэзия Востока», «Турецкая ашыкская поэзия», сост. Х.Короглы, Е.И. Маштакова «Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе», «Литература Востока в средние века» Ч. II под ред. Н.И. Конрада, «Литература Востока в средние века. Тексты» под ред. Н.М. Сазановой и из интернет-сайтов.

РАЗДЕЛ 1

Турецкая литература раннего средневековья (XIII – XIV вв.)

Турецкая литература, начало истории которой восходит ко времени вторжения в Малую Азию предков современных турок – тюркских племен огузской ветви – и к первым этапам складывания турецкой народности и государственности (Сельджукский султанат, начало господства Османов), формируется как средневековая по своему типу. Ее основное содержание и главные формы определяются теми социальными и идеологическими проблемами, которые порождает феодальный строй.

Основные факторы, при тесном взаимодействии которых происходило зарождение и развитие турецкой литературы, – устно-поэтические традиции тюрков и влияние арабо-персидской культуры.

Характерной особенностью ранних письменных произведений явилось то, что на них большое влияние оказывало религиозное мировоззрение и значительная зависимость от канонов восточного академизма. Сюжеты заимствовались турецкими авторами из арабской, индийской и персидской литератур. Авторское воображение ограничивалось рамками поэтических канонов восточной сказочной фантазии, сверхъестественными «чудесами», сюжетами о неземной, возвышенной любви³.

Тюрки осваивают персидские поэтические формы – месневи, касыду, газель. Первыми поэтами, пишущими на турецком языке, были поэты-суфии Ахмед Факих (ум. ок. 1250), автор «Книги судьбы»; его ученик Шейяд Хамза, автор поэмы «Юсуф и Зелиха». Поэт-дервиш Юнус Эмре (1240–1320) был известен своими эмоциональными и вдохновенными стихами-гимнами, в которых отразились его облаченные в религиозно-мистическую форму вольнолюбивые и оппозиционные взгляды. Несколько стихотворений на турецком языке имеются и у известнейшего персидского поэта-суфия Джелаледдина Руми (1207–1273) и его сына Султана Веледа (1226–1312). Наиболее значительное произведение этого периода – поэма-месневи Ашыкапаши «Книга скитальца» (1330).

События, связанные с исламизацией среди огузских племен в Малой Азии, получили отображение в новом тогда для турок жанре воинской повести, образцы которой представлены в памятниках «Сказание о Мелике Данышменде» и «Баттал-наме».

³ *Алькаева Л.О.* Сюжеты и герои в турецком романе. М.: Наука, 1966. С. 11.

Важным источником для развития турецкой литературы и, прежде всего, для зарождения ее письменных традиций послужила суфийская проповедь.

Несмотря на свою неоднородность, суфийская идеология несла в себе одну общую идею – идею равенства. Более «умеренные» из суфиев проповедовали равенство всех людей перед богом, а самые левые поднимались до требования имущественного равенства. Суннитское духовенство, боровшееся с религиозной оппозицией, впоследствии сумело использовать некоторые из более «умеренных» толков в своих интересах, максимально приблизив их к ортодоксальному исламу и поставив на службу господствующей идеологии.

Обращаясь со своими воззваниями и беседами к широким кругам населения, проповедники, выступавшие чаще всего на городских площадях, стремились говорить понятным, и доходчивым языком, не чуждающимся разговорных интонаций и местных речений. Духовные стихи, исполнявшиеся на суфийских собраниях, сохраняли свою прямую преемственность с народной песенной традицией. Фольклорная основа отчетливо обнаруживала себя и в крупных поэтических формах — дидактических поэмах, представляющих собой, по существу, серию верифицированных проповедей. В них широко использовались традиционные эпические мотивы, образы, формы повествования, жанры народной дидактики – басни, притчи, пословицы. Однако фольклорные источники, питавшие сочинения суфийских проповедников, получали здесь иное толкование, подчиненное задачам пропаганды суфийских идей и утверждению их «истинности».

Одним из самых ранних дошедших до нас образцов миссионерской проповеди является «Книга судьбы» («Чарх-наме», «Çarh-nâme») Ахмеда Факиха (первая половина XIII в.)⁴.

Ахмед Факих жил в Коньи, был учеником известного ученого и проповедника Бехаэддина Веледа, отца Джелаледдина Руми.

«Книга судьбы» («Чарх-наме») – один из самых ранних дошедших до нас образцов турецкой поэзии. Это проповедь-воззвание или, возможно, несколько проповедей, сведенных воедино в касыде, насчитывающей 83 бейта (двустушия). Тема смерти, проходящая через все стихотворение, неразрывно связана с утверждением естественного равенства людей.

⁴ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 326.

*Слушай меня, я скажу свое слово,
Все рассказать тебе время настало.*

*Знаешь ты дело, к ученью прилежен,
Путь свой на площадь держи для начала.*

*Будь же внимателен, речь мою слушай,
Слово, что жемчуга нить иль коралла.*

*Лук судьбы мечет в людей стрелы смерти,
Знай, нет пути, чтоб стрела не попала.*

*Рок – судьба – знает ли доброе дело?
Гнать всех из мира она не устала.*

*Старца не терпит она и младенца,
Юношу гонит, и всё-то ей мало!*

*Смертную чашу тебе преподносит,
Чтобы то вино и тебе перепало.*

*Выпив вина, ты друзей потеряешь,
Где та могила, что смерть заказала?*

*Разве кто может знать, – эта могила
Горя иль счастья обителью стала?*

*Смерть как врата, надлежит их пройти всем,
Раб ли, султан ли – различья не стало.*

*Помни, никто не спасет от кончины,
Смерть никогда снисхожденья не знала...⁵*

Перед лицом грядущего светопреставления поэт призывает скорее отрешиться от мирской суеты, оставить беспечность и подумать о спасении души.

⁵ Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 127.

«Книга судьбы» («Чарх-наме») имеет форму касыды, однако здесь использованы только ее рифма и метр, а традиционная композиция касыды еще не освоена. Это – проповедь-импровизация или, что можно заключить из текста поэмы, не одна, а несколько устных проповедей, соединенных при последующей записи воедино. В ней по нескольку раз, подчас дословно, повторяются одни и те же мысли в наставлениях, адресованных слушателям, прежде всего городским ремесленникам («если ты принимаешь наставления, послушай мои слова, если ты занимаешься ремеслом, приходи – вот площадь»), вклиниваются молитвы. Устный характер беседы подчеркивают частые призывы автора к вниманию, а риторические вопросы и восклицания придают речи проповеднический пафос⁶.

Огромное влияние на распространение в Малой Азии суфийской идеологии оказал знаменитый персидский поэт Джелаледдин Руми (1207–1279), живший в столице Сельджукского султаната – городе Коньи. В литературном наследии Руми турецких стихов очень немного. Это – отмеченные печатью большого эмоционального накала призывы к иноверческой и новообращенной аудитории. В них поэт открыто утверждает равенство перед лицом божественной истины всех религий и всех народов:

*Все равно приходи, все равно, кем бы ты ни был.
Гяуром – христианином, огнепоклонником, идолопоклонником.
Можешь быть сто раз покаявшимся
Или сто раз нарушившим покаяние.
Эти врата – не врата безнадёжности,
Каков ты есть, таким и приходи...
Будь ты перс, или грек, или тюрк,
Научись языку бессловесных. (Перевод И. Боролиной)⁷.*

Естественно, что в разноплеменной и разноязыкой Малой Азии эти идеи Руми завоевали себе много приверженцев. Для встречи с ним его почитатели стекались в Конью со всех концов государства. Благодаря Руми и основанному им ордену «мевлеви», приобретшему большое влияние не только среди конийских ремесленников и тор-

⁶ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 326.

⁷ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 327.

говцев, но и в придворных сельджукских кругах, столица государства стала одновременно крупным суфийским центром.

Стихи поэта часто создавались в экстатическом состоянии: во время радений, ритуальных танцев, что подтверждается также их экспрессивностью, интонационным настроем, отрывочностью: «Приди сюда, у меня к тебе зла нет, ты слышишь!... Отверзи уши твои, отверзи уши твои и тогда ты поймешь!...». В своих призывах, обращенных к богу – «другу» («Знай, что только тебя я люблю на свете») или к пастве («Добр ли брат или строг, он на долгом пути проводником твоим станет»), Руми использует форму газели или четверостишия («Отрок, иди к нам...»).

Перевод Л. Тираспольского:

Когда ты читаешь Коран, не смотри на внешнее, сын мой Иблис считал Адама не более чем глиной. Поверхностный смысл Корана подобен человеческой форме: хотя его черты видимы, дух его сокрыт. Дядьки смотрят на племянника сто лет и, однако, его внутреннего состояния не видят и на волосок.

(III, 4247 – 4249)

Перевод И. Сельвинского:

*Что Кааба для мусульман, то для тебя душа.
Свершай вокруг этой Каабы обход свой не спеша.*

*Паломничество совершать нам заповедал Бог,
Чтоб душу правде обрекли, чтоб жили не греша.*

*Так откажись от серебра - лишь сердцем обладай:
Душа святая и в гробу пребудет хороша.*

*Сто раз ты можешь обойти вокруг черной Каабы,
Но что же в этом, если ты бесстрастней палаша?*

*Превыше неба самого я сердце возношу,
Которое считаешь ты тростинкой камыша.*

*Оно велико, ибо сам великий в нем живет –
И оттого-то стук его ты слушаешь не дыша.*

*Прислушайся же к тем стихам, что вписаны в Коран:
"Небес бы я не сотворил, когда б не ты, душа!"*

Перевод Д. Самойлова

*Паломник трудный путь вершит, к Каабе устремлен,
Идет без устали, придет – и что же видит он?*

*Тут камениста и суха бесплодная земля,
И дом высокий из камней на ней сооружен.*

*Паломник шел в далекий путь, чтоб Господа узреть,
Он ищет Бога, но пред ним стоит как бы заслон.*

*Идет кругом, обходит дом – всё попусту; но вдруг
Он слышит голос изнутри, звучащий, словно звон:*

*"Зачем не ищешь Бога там, где Он живет всегда?
Зачем каменья свято чтить, им отдаешь поклон?"*

*Обитель сердца – вот где цель, вот Истины дворец,
Хвала вошедшему, где Бог один запечатлен".*

*Хвала не спящим, словно Шамс, в обители своей
И отвергающим, как он, паломничества сон.*

Перевод И. Сельвинского:

*Вы, взыскующие Бога средь небесной синевы,
Поиски оставьте эти, вы – есть Он, а Он – есть вы.*

*Вы – посланники Господни, вы Пророка вознесли,
Вы – закона дух и буква, веры твердь, ислама львы,*

*Знаки Бога, по которым вышивает вкривь и вкось
Богослов, не понимая суть божественной канвы.*

*Вы в источнике бессмертья, тленье не коснется вас,
Вы цинковка Всеблагого, трон Аллаха средь травы.*

*Для чего искать вам то, что не терялось никогда?
На себя взгляните – вот вы, от подошв до головы.*

*Если вы хотите Бога увидеть глаза в глаза –
С зеркала души смахните муть смиренья, пыль молвы.*

*И тогда, Руми подобно, истиною озарясь,
В зеркале себя узрите, ведь Всевышний – это вы⁸.*

Вызванные к жизни миссионерскими задачами, эти стихи Руми представляли собой, как и поэма Ахмеда Факиха, один из первых опытов передачи на турецком языке суфийских идей и их образного воплощения в рамках заимствованных из персидской поэзии форм.

Ближайшим последователем и страстным пропагандистом учения Джелаледдина Руми был его старший сын – Султан Велед (1226-1312). Выросший в Коньи в суфийской среде, центром которой был Руми, Султан Велед, впоследствии также ставший главой ордена «мевлеви» (титул «султан» указывает на высокое положение Веледа в среде суфиев), унаследовал от своего отца и поэтическую одаренность, хотя далеко уступал ему как философ и как поэт. Его проповеди, которые произносились в основном на персидском языке, составили затем поэтическую трилогию «Велед-наме» («Valed-nâme») (1299 – 1302 гг.), вбирающую в себя «Поэму начала» («Ибтида-наме») («İbtidâ-nâme»), «Поэму лютни» («Рюбаб-наме») («Rûbab-nâme») и «Поэму конца» («Интиха-наме») («İntiha-nâme»). Из 25 тысяч двустиший трилогии 235 созданы на турецком языке (так называемые в европейской литературе «Сельджукские стихи»). Кроме того, в «Велед-наме» содержатся также двустишия на греческом языке, что продиктовано стремлением поэта-проповедника донести суфийские идеи и до греческого христианского населения.

Поэмы Султана Веледа не имеют единого сюжета. Каждая из них – это цепь проповедей-бесед, в которых раскрываются общие положения суфизма, провозглашается беззаветная любовь к богу-творцу, незримо присутствующему в своих творениях, содержатся

⁸ Электронный ресурс: <http://www.tarikat.narod.ru/poetry.html>

призывы к отказу от мира и самоотречению: «Жизнь в этом мире скоро проходит, кто живет богом, тот не умирает... Познай себя – и ты найдешь бога, тогда не умрешь ты, вечно живым останешься». Как и поэзии Джелаледдина Руми, стихам Султана Веледа присуща своеобразная двуплановость: поэт выступает как бы передатчиком божественной истины, которая говорит его устами, ибо «слово прозревшего – слово бога», и в то же время это речь самого поэта, взявшего на себя роль наставника взыскующего истины: «Я стану проводником твоим на этом пути... открою глаза твои... укажу путь к спасению...» И далее: «Держись за меня, не отрывай меня от себя! На себя не смотри, не говори: ты, я. Забудь себя, познай меня, потеряй себя, найди меня!»

Поэт широко использует суфийскую символику – экстатическое состояние суфия отождествляется с опьянением, страстная любовь к богу – с огнем, испепеляющим душу, слияние с божеством – с растворением капли в океане и т. п. В то же время, адресуя свои проповеди прежде всего широкой городской среде, Султан Велед стремился говорить очень доходчиво и живо, прибегая к конкретным и наглядным примерам: самосовершенствование он уподобляет химии, которая «превращает медь в золото», а душу, пришедшую к единению с богом и вместившую в себя всю вселенную, – большому городу с базарами и лавками. Взывая к богу о ниспослании небесной благодати, поэт просит «одну миску из пищи рая, два-три пирожка из теста света». Так в стихи Султана Веледа при всей их мистической окрашенности и отрешенности вторгается подчас сама жизнь, а ораторская патетика соседствует с разговорными, живыми интонациями. При этом поэт часто сетует на то, что слабо знает турецкий язык и это мешает его стремлению «показать истину словами так ярко, чтобы ее можно было увидеть воочию»⁹.

Проповеди Султана Веледа, прежде чем они были записаны, распространялись в устной передаче. Следы предварительного устного распространения отчетливо обнаруживают себя и в прозаическом персидском трактате Султана Веледа «Просвещение» («Маариф») («Maarif»), тематически примыкающем к его поэтической трилогии. Некоторые разделы трактата построены в форме обстоятельных ответов на вопросы слушателей, с которыми оратор часто полемизирует¹⁰.

⁹ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 328.

¹⁰ Там же.

*Переводы И.Боролина (лирика),
С. Иванова («Поэма Начала», «Поэма Лютни»):*

Газели

*Голоден, голоден, голоден я, Боже мой!
Смилуйся, Господи, дверь мне скорее открой!*

*Райской еды миску прошу у тебя,
Райского теста кусок пирожка небольшой.*

*Милость твоя велика, словно сотни морей,
Чтоб не иссякла, дари ее щедрой рукой!*

*«Ну, подойди на вершок!» – приказал ты рабу.
Я на сажень подошел – так открой мне, открой!*

*Только гяуры тебя не желают признать,
Крест нацепили они и гордятся собой.*

*Тот, кто, увидев тебя, не сумел полюбить,
Или осел, или камень, иль комель гнилой.*

*Солнце ты ясное, небо твой трон, о Паша!
Лес и долины наполнены светом – тобой!*

*Луком изогнута бровь, стрелы мечут глаза
Прямо мне в сердце, что ранюю стало сплошной.*

*Брови и очи твои взяли душу в полон,
Стан твой прекрасен, и лик, и твой волос густой!*

*Зрячих на свете у нас слишком мало, Велед,
Всех же незрячих стремись избегать, дорогой!*

*Темный дом твой этой ночью светлым стал,
Потому что в доме месяц засиял,*

*Не осталось в этом доме темноты –
Темноту из дома яркий свет прогнал.*

*А когда вокруг светло, то видно всем –
Вор остался в доме или убежал.*

*Что за светлый дождь пролился в душу мне!
В ней цветник расцвел и радость сердцу дал.*

*Полна жемчуга душа, как океан,
Что морей число несметное вобрал.*

*Я спросил тебя: «То брови или лук
Эти стрелы в мою грудь сейчас послал?»*

*Сладкий жар разлился вдруг в моей груди,
Вспыхнул в сердце, как огонь, и запылал.*

*Сам с собою торговать решил Велед –
Себя продал, но за это весь мир взял!*

*Её сердце не желает. Что мне делать?!
И душа не сострадает. Что мне делать?!*

*Я сказал тебе: «Вина скорей отведай!»
Мне в ответ: «Не подобает». Что мне делать?!*

*Я сказал: «Тебя сей ночью обниму я».
Но она не подпускает. Что мне делать?!*

*Нет покоя мне от этой острой боли,
А она не замечает. Что мне делать?!*

*К ней я страстью воспылал, горит все тело.
Она мне не отвечает. Что мне делать?!*

*Я сказал ей: «Все мое дарю я!»
А она не принимает. Что мне делать?!*

*Она ввергла меня в пламя, я пылаю,
А она не выручает. Что мне делать?!*

*Вот и дом ее. Велед ждет у порога,
Она дверь не открывает. Что мне делать?!*

Поэма начала

*Внемли завет Пророка, не забудь:
«Взыскуя жизни, ведай к ней и путь.
В себе себя забудь и уничтожь,—
Смысл жизни только в смерти обретешь».*

*По смерти воспарь на небосклон —
Луной и солнцем будешь восхвален.*

*Бессмертие познал умерший, — знай:
Он в этом мире обретает рай.*

*Кто умер ныне, тот пребудет жив,
А неумерший чахнет, зло нажив.*

*В сей жизни все отходит в свой черед,
Лишь в Господе живущий не умрет.*

*Жить в суете — без смерти умереть,
Всегда быть надо с Богом — днесь и впредь.*

*Земных соблазнов скинуть надо кладь —
Огнем любви мирское пресекать.*

*И надо одолеть в себе порок,
Не одолевший — от добра далек.*

*Отбрось шипы, бери лишь лепестки,
Все позабудь — ко мне себя влеки.*

Поэма Лютни

*Всех праведников выше Мевляна,
Что он велит – свершайте все сполна.*

*Господня милость – смысл его речей,
Он и слепым отверзнет свет очей.*

*И если зов мой людям путь дает,
Господь воздаст мне от своих щедрот.*

*Неведом был таимый мной товар –
Теперь скажу, что вам несу я в дар.*

*Дар, данный Богом, – сколь чудесен он,
Взыскующий его богатств – умен.*

*Речь – умному превыше всех даров:
Отдаст богатства он за мудрость слов.*

*Богатство – прах, а в речи жизнь жива,
Премудрый ценит умные слова.*

*Богатство – тлен, но вечна речи явь:
Цени живое, мертвое оставь.*

*Рыдающий к творцу возносит зов:
«Даруй мне милость и не будь суров.*

*Открой мне очи, дай тебя узреть,
Я, капель канув, буду морем впредь.*

*Ведь если капле в море впасть дано,
Двойкой сути нет. Они – одно.*

*Как капля, в море суть свою вложив,
Я не умру и вечно буду жив»¹¹.*

¹¹ Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 123–127.

Крупнейшим поэтом эпохи был **Юнус Эмре** (1250–1320) – одна из самых ярких и самобытных фигур в истории турецкой литературы. О жизни Юнуса Эмре известно немного. Его поэтическое наследие дошло лишь в позднейших записях, предположительно датируемых XV–XVI вв. Эти записи впоследствии послужили основой для составления дивана поэта. Подлинность ряда стихов, вошедших в этот диван, можно оспаривать: способы изустной передачи неизбежно должны были породить искажения и отступления от первоначального текста; возможно также, что наряду со стихами, принадлежащими Юнусу Эмре и «подправленными» с учетом накопившегося книжного опыта, диван вобрал в себя стихи, приписываемые поэту традицией.

Благодарная народная память на века окружила славой имя поэта. Личность его окутана легендами. Юнус Эмре был, очевидно, странствующим певцом, дервишем. Родился он в селении Сарыкёй под Эскишехиром, был мюридом у известного суфийского шейха, жизнь свою провел в странствиях. «Я обошел Рум и Сирию, а также все верхние страны», – рассказывает Юнус Эмре в одной из своих песен. Скитальческий образ жизни нашел у поэта свое художественное преломление: тема странствий, чужбины, тоски по родине стала одной из главенствующих в его лирике. Путь страждущего суфия, взыскающего божественного откровения, и мучения оторванного от родины и любимой скитальца слились в восприятии поэта воедино. Юнус Эмре говорил о себе, что никогда не брал в руки пера и не читал никакой другой книги, кроме книги своего сердца. Однако эти слова не должны пониматься иначе, нежели поэтическое иносказание: только «книга сердца», в котором зажжена божественная искра, видится поэту истинным источником познания. В то же время, представляя себя неграмотным, он сознательно сближал себя с народными низами, открыто заявляя о себе как о певце-печальнике народного горя:

Где мне искать тебя, о сердце, где ты?

Богом клянусь, что ты там, где бедствия и разруха.

(Перевод И. Боролиной)

Стихи поэта свидетельствуют о том, что Юнус Эмре был образованнейшим человеком своего времени, хорошо осведомленным в современных ему достижениях философской мысли, в арабской и персидской литературах, лично знал многих выдающихся суфийских про-

поведников и поэтов своего времени. Утвердившаяся позднее традиция считать Юнуса Эмре малограмотным была на руку феодально-клерикальным верхам. Они игнорировали стихи Юнуса Эмре, ссылаясь на их «примитивную» метрику и безыскусный язык, высокомерно именовавшийся ими «грубым» и «простонародным». В действительности же их страшило скрытое в этих стихах вольнодумие.

Отношение религиозных ортодоксов к Юнусу Эмре как к еретiku, чьи сочинения должны подвергаться уничтожению, нашло свое отражение в одной из легенд, связанных с именем поэта. Она повествует о том, что сборник Юнуса Эмре, содержащий все его поэтическое наследие, насчитывавшее 3000 стихов, однажды попал в руки некоего человека по имени Молла Касым. Последний, сидя на берегу реки, начал читать его и, увидев, что стихи имеют «неподобающее» содержание, бросил тысячу из них в огонь, а другую тысячу – в воду. Однако в первом стихотворении из третьей тысячи он вдруг нашел такие строки:

Ты не искажай этих слов дервиша Юнуса,

Придет Молла Касым и будет тебя испытывать.

(Перевод И. Боролиной)

Пораженный чудесным предвидением поэта, Молла Касым уверовал в его праведность. Но в руках Моллы осталась всего тысяча стихов... И тут оказалось, что не погибли и другие стихи поэта: те, что были сожжены, стали распевать птицы на небе, а те, что были брошены в воду, – запели рыбы. Последняя же тысяча стала достоянием людей и на протяжении веков передается ими из уст в уста. Эта поэтическая легенда, запечатлевшая народную любовь к памяти поэта и его «неистребимым» стихам, – доказательство того, что многочисленные почитатели и последователи Юнуса Эмре, окружившие его ореолом святости, прекрасно осознавали то резкое противоречие, в котором находилось творчество поэта по отношению к ортодоксальному исламу.

По своим религиозно-философским взглядам Юнус Эмре – мистический пантеист, считающий, что повсюду в мире разлито божественное начало. Оно видится ему в сверкающем солнце и серебристом свете луны, мерцании утренней звезды, легком дуновении предрасветного ветерка, сладком аромате цветов. Славя бога, растворенного в природе, поэт воспеваеt саму природу, стремясь слиться с нею. Образы поэта носят традиционно-песенный характер, в них широко ис-

пользована народная поэтическая символика. Ощущая присутствие бога повсюду в окружающем его мире, он отрицает официальные религиозные церемонии и натуралистические представления церковников о небесном рае:

*Вот говорят: рай, рай –
Несколько дворцов, несколько гурий –*

*Отдай его тем, кто туда стремится,
А мне нужен лишь ты (мой бог – И. Б.)¹².*

(Перевод И. Боролиной).

Юнус Эмре первый осмелился усомниться в правдивости мусульманских представлений о загробном, лучшем мире. Он назвал этот мир ложным, откуда нет никаких вестей:

*От тех, кто переселился в ложный мир,
Ни слова, ни весточки¹³.*

Юнус Эмре убежден, что рай находится в сердце каждого, «кто пришел к единению с богом», и «стоянка душ суфиев выше небесного трона». На человека он смотрит как на высшее проявление божественной премудрости, и потому путь к богу видится Юнусу Эмре не в уходе от людей, а в любви к людям. «О каждом существе, живущем в этом мире, страдает, полыхая, мое сердце». Болезненно чуткий к людскому горю, он называет себя «самым несчастным страдальцем на свете», «вместилищем скорби».

Замечательный талант поэта-гуманиста полнее всего раскрылся в его лирике. Наряду с газелью он широко использовал народные песенные формы, силлабический стих.

Дидактика Юнуса Эмре представлена его «**Назидательным посланием**» («Рисалят ан-Нюсхиййа») («Risâlet ün Nushiyye») (1307). Оно состоит из небольшого введения в стихах и прозе, где излагаются основные философские и морально-этические взгляды автора, и шести поэтических глав-дастанов, призванных служить как бы художественной иллюстрацией этих взглядов. «Назидательное послание» – это, по существу, свод, вобравший в себя всю совокупность мировоззрения поэта.

¹² Литература Востока в средние века Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 335.

¹³ Алькаева Л., Бабаев А. Турецкая литература. Краткий очерк. М., 1967. С. 19.

Мистический взгляд на мир как на эманацию божества не исключал рационалистических элементов философской концепции Юнуса Эмре. Освещая вопросы мироздания и строения вселенной, он исходил из античного учения о четырех элементах – первооснове материального мира и основных человеческих качеств. Единство взаимодействующих противоположностей, свойственное явлениям мира, рассматривалось как свойство самой божественной истины, противоречивой в своей сущности. Отсюда и вытекало объяснение противоречивости, заложенной в человеке и, с другой стороны, утверждалась потенциальная возможность его внутреннего самосовершенствования.

Каждый дастан «Назидательного послания» – небольшая аллегорическая поэма, где изображена борьба персонифицированных порока и добродетели. Эта борьба ведется между Алчностью и Умеренностью, Гордыней и Скромностью, Жадностью и Щедростью, Ложью и Правдивостью. Арена их борьбы – внутренний мир человека (микрокосм), уподобленный здесь большому городу, где правит падишах Разум. В поэме много колоритных зарисовок. Такова близкая эпизодам героического эпоса сцена воинственного выступления Умеренности против гнета Алчности: Умеренность на коне, в полном боевом облачении выезжает на городской мейдан и одним своим видом повергает противника в бегство (дастан первый). Или – мятеж разбойника Гордыни, захватившего горный перевал и преградившего путь к городу, а затем, после учиненного разбоя, постыдно бежавшего от Скромности (дастан второй), и т. д. Все дастаны обладают самостоятельностью и сюжетно-композиционной законченностью. Каждый из них – это проповедь-беседа, открывающаяся призывным обращением проповедника к слушателю. Аллегорический рассказ построен всюду по определенной схеме: страждущий пленник Порока взывает к Разуму и тот посылает для его освобождения Добродетель. Гимн неизменно торжествующей добродетели и силе разума сообщает поэме высокий гуманистический пафос.

Юнус Эмре вошел в турецкую литературу как основоположник поэзии народных певцов-ашыков. Темы и образы его стихов стали в творчестве ашыков традиционными. Лирический герой ашыкской поэзии – странствующий певец, тоскующий в разлуке с любимой. Вдохновенная, полная глубокой искренности поэзия Юнуса Эмре, отразившего в своих стихах величие народных помыслов и глубину народных страданий, до сих пор сохраняется в Турции в устной передаче.

*Если ты вопрошаешь меня, о мой бог,
То хочу, чтобы тебе и ответить я мог*

*Я тебя притеснял ли? Ужель я греховен?
Пред тобо-то, господи, в чем я виновен?*

*Я еще не родился – меня ты к рабам
Сопричислил, сказал: «Вот мятежник Адам».*

*Я еще не пришел, но горы и доли
Услыхали твой глас: «Он исполнен крамолы!»*

*Я ли создал себя? Ты меня сотворил,
Так зачем для упреков уста отворил?*

*Я, в темнице родившись, воскликнул: «Несчастье!
В сатанинском я чреве, где плотские страсти!»*

*Чтоб в тюрьме не погибнуть, я крикнул: «Открой!»
Раз иль два я испробовал пищи дурной.*

*Потерял ты богатства хоть малую долю?
Иль утратили мы – ты и я – нашу волю?*

*Иль тебя, насыщаясь, на голод обрек?
Иль, поев, у тебя отобрал я кусок?*

*Строишь мост-волосок и велишь: «Из капкана
Моего выходи ты теперь невозбранно».*

*Но пригоден ли нам тонкий волос как мост?
Упадем, устоим иль взметнемся до звезд.*

*Строят мост ради пользы своей слуги бога, –
Польза в том, чтобы открылась пред ними дорога,
Чтобы с прочной основы моста не свернуть,
Чтоб идущий сказал: «Это правильный путь».*

*На весах ты мои хочешь взвесить пороки,
Чтоб низвергнуть в огонь меня адский, жестокий.*

*Но кому надлежит доверяться весам?
Бакалейщикам, мелким торговцам, купцам!*

*Тот, кто грешен, тот грязью нечистого грязен,
Самый грех при себе, о творец, безобразен.*

*Прикрываешь ты грех, добротой светясь,
Для чего ж обнажать, да и взвешивать, грязь?*

*Я страдаю, а ты – соглядатай страданий.
Разве это разумно, о бог всех созданий?*

*Ты всеведущ, постиг мои дни и часы,
Так зачем же кладешь мою жизнь на весы?*

*Разве мало, что меня сделал золою,
И сгноил, и глаза мне засыпал землею?*

*От Юнуса вовек ты не ведал вреда.
То, что явно и тайно, ты знаешь всегда.*

*Для чего же твой гнев, о творец, для чего же?
Из-за горстки земли сколько шума, о боже!*

*«Колесо, зачем ты плачешь много?»
«Я страдаю, потому и плачу.
Своего я возлюбил бога,
Я страдаю, потому и плачу.*

*Знаешь, кто я? Колесо печали.
Волны подо мною зазвучали,
Ибо так велел господь вначале,
Я страдаю, потому и плачу.*

*Деревом я в горах росло когда-то,
Сладким или горьким не богато,
Господу всегда служило свято,
Я страдаю, потому и плачу.*

*Но в горах слышнее стали стуки,
Обрубил топор мне ветки-руки,
Обрекли, согнув меня, на муки,
Я страдаю, потому и плачу.*

*Наземь ствол упал, под корень срублен.
Весь порядок жизни был загублен.
Я – певец, чей сказ людьми излюблен,
Я страдаю, потому и плачу.*

*Плотника тесло меня тесало,
Колесом вертящимся я стало,
Приказал господь, чтоб я страдало, –
Я страдаю, потому и плачу.*

*Снизу вверх я поднимаю воду,
Я кружусь хозяину в угоду,
Посмотри же на мою невзгону,
Я страдаю, потому и плачу».*

*О, не смейся, ибо станешь тленом,
О, Юнус, кто в этом мире бренном
Обладает счастьем совершенным?
Я страдаю, потому и плачу.*

*Захочешь получить урок,
Взгляни: могил тут череда,
И камень бы растаять смог,
Увидев тех, кто лег сюда.*

*Кому богатств было не счесть,
Утратили почет и честь,*

*Одни лохмотья у них есть, -
Одежда их худым-худа.*

*Где ныне, кто был богат, –
Властители дворцов-палат?
В одной темнице все лежат,
Над ними камень – навсегда.*

*В свой дом им не войти опять,
Молитвы тихой им не знать.
Где их богатств былая кладь?
Навек их отошли года.*

*Где те, чей голос был медвян,
Кто, словно солнце, был румян?
Они – скитальцы дальних стран, –
От них не стало и следа.*

*Их власть и силу знал народ,
Их охраняли у ворот.
А ныне – чей был знатен род,
Ты не узнаешь никогда.*

*К дверям потерян ими след,
Ни пищи, ни еды им нет,
Для них нигде не светит свет, –
Из тьмы не выйти никуда.*

*Юнус, твои не вышли дни,
На то, что я сказал, взгляни:
И ты уйдешь, как и они, –
Знай, и к тебе придет беда.*

*Хочешь – дам я тебе мой совет-урок:
Скупость – жадности друг, в них един порок.*

*Общий издавна им преуказан путь,
Да ты знаешь и сам их деяний суть.*

*Если скуп человек, он и слаб и худ:
Будь стократ он здоров, его точит зуд.*

*Сам себя от вреда он хранит всегда,
А где мало вреда – он с вредом туда.
Только что ни свершит – все ему во вред, –
Кто еще сам себе столько сделал бед!*

*Даже сахар ему горек, словно яд, –
Никаких у него в жизни нет услад.*

*Нет удачи скупым, все дела их – ложь, –
Вырыл яму другим – сам в нее попадешь!*

*Я поведал тебе, что за суть у скряг:
Свой живот лишь им люб – для своих же благ.*

*Скряги копят добро, положив под спуд,
Но не знать им добра – жить во власти пуд.*

*Послушай, где ещё найдешь
Таких же горемык, как я, –*

*Чья грудь – в слезах кровавых сплошь, –
Таких же горемык, как я?*

*Прошел я тот и этот дол,
Все горы-долы обошел, –
Как ни искал, я не нашел
Таких же горемык, как я.
И, чтоб никто не жил в страде,
Никто не маялся в беде,
Господь, да не найдут нигде
Таких же горемык, как я!*

*А я пою да слезы лью,
О бесприютных боль таю,
«Спаси, – молю звезду мою, -
Таких же горемык, как я».*

*Как я ни мучусь от невзгод,
Уйти и мне придет черед,-
В могиле рок со мной сведет
Таких же горемык, как я.*

*«Вот, – скажут, – умер, нем и тих»,
В молитвах помянут своих,
Водой обмоют, как других,
Таких же горемык, как я.*

*Юнус Эмре во власти бед,
Ему от мук спасенья нет, –
Ступай, ищи, пройдя весь свет,
Таких же горемык, как я!*

*Смысл познаний благих от скупца далек:
Будь стократ он богат – он умом убог.*

*Суть богатства не в том, чтоб пихать в суму, –
Духом нищ толстосум – помоги ему.*

*Только, как ни учи, все ему не впрок,
На устах его – брань, его рот широк.*

*И ему самому от себя же вред,
И другим от него прока-пользы нет.*

*В нем самом о себе разуменья нет,
К разумению в нем и влеченья нет.*

*Путь спросить у других – ему мысль чужда,
«Нет и нет», – он твердит и не скажет «да».*

*Что ему «да» и «нет» – он невежда в том,
Глух и слеп ко всему, он – глупец глупцом.*

*Ну а если скупец, как Карун, богат,
Знай: он хуже всех бед, хуже всех стократ.*

*Любви полны мои глаза, в слезах мой скорбный лик,
Всегда о Друге, о любви мой говорит язык.*

*Как цвет алоэ, я горю, и сам я стал огнем,
А дым – рассветный ветерок, покинувший цветник.*

*От стрел любви не защитят ни панцирь, ни броня,
Стрела остра и крепок лук – стрелок меня настиг.*

*Друг! Океан – твоя любовь, я – рыбка в глуби вод,
На суше сразу же умру, я к суше не привык.*

*Читаю свиток божества на языке своем,
«Проходит все», – сказал мне тот, кто вечен и велик.*

*Разумен ли, кто полюбил? О, если разум есть
В одном мгновении, – то все ж безумен каждый миг!*

*Стань прахом на святом пути суфийском, о Юнус,
Стоянки чистых душ светлей, чем трон царя владык.*

*Ашыка ты спросил о вере,
но не пустой ли это звук?
Что вера-племя мне, скитальцу,
богатства сбросившему вьюк?
И сердце, и глаза ашыка
Возлюбленным поглощены,
Молиться можно ли другому,
когда нет никого вокруг?
Обрящет рай благочестивый,
сойдет неверующий в ад, –*

*Дервиш и райских благ не хочет,
и адских не боится мук.
Кто Друга возлюбил, тот должен
к нему пуститься в долгий путь:
Свободным станет он, как только
с ним будет милостивый Друг.
Кто, кроме нищего ашыка,
о Друге нам доставит весть?
Ни Джебраил ему не нужен,
ни ангелов пресветлый круг.
Его допрашивать не станут
Мюнкир, Некир, давно поняв:
О мире этом и загробном
ашыку думать недосуг.
Тому ль страшиться, кто отвергнул небытие, и бытие,
Весы, и тонкий мост над адом,
и просьбы, и плоды наук?
Не узрит Светопреставленья,
как все ашыки, наш Юнус,
Он знает: Судный день пугает
непосвященных божьих слуг.*

*Не так я жил, как мне мечталось,
о жизнь, что делать мне с тобой?
Что мне от благ твоих досталось?
О жизнь, что делать мне с тобой?
Как я пришел и как прошел я?
Страдал, а все ж не говорю,
Чтобы со мною ты рассталась, –
о жизнь, что делать мне с тобой?
И добрые дела, и злые
припишут мне, и я умру, –
Где суть моя? Она распалась!
О жизнь, что делать мне с тобой?
Уйдешь, – назад не возвратишься,
придя, – меня ты не найдешь, –
Да ты найти и не пыталась.
О жизнь, что делать мне с тобой?*

*Где то, что я тебе доверил,
доверив, ласку находил?
Что приобрел я, все осталось, –
о жизнь, что делать мне с тобой?
Юнус несчастный, ты, наверно,
свой путь свершив, покинешь нас,
Но боль пребудет и усталость,
о жизнь, что делать мне с тобой?*¹⁴

Младший современник Юнуса Эмре, поэт **Ашык-паша** (1271–1332), настоящее имя которого было Али, происходил из влиятельной семьи, пользовавшейся особым почитанием в суфийских кругах. И дед поэта, уроженец Хорасана, один из руководителей восстания «бабаи», и его отец, глава ордена, в то же время занимавший высокие государственные посты, имели репутацию людей большой образованности и святости. Эту репутацию сохранил за собой и Ашык-паша.

Ашык-паша родился в Киршехире, бывшем в то время крупным культурным центром, и провел в этом городе всю жизнь. В своем творчестве он тяготел к дидактическому жанру. Его поэмы – это назидательные проповеди, поучения, толкующие основные положения – суфизма и призванные служить для суфия – «странника, отправившегося за истиной» – «ключом, открывающим смысл сокровищницы несомненной» (т.е. суфийского учения). Выступая идейным последователем Джелаледдина Руми и Юнуса Эмре, Ашык-паша в своей концепции суфизма, однако, значительно отходит от тех крайних взглядов, которых придерживались его великие предшественники. В аллегорической поэме **«Факр-наме»** («Fakr-nâme») Ашык-паша рассказывает о том, что бог сотворил птицу Факр (буквально «бедность») и повелел ей летать. Факр облетела все небесные сферы, поднималась к престолу Аллаха, посетила райские кущи, солнце и землю. Она встретила с первым человеком – Адамом, ветхозаветными пророками, Христом, но ни с кем из них не захотела остаться. И только Мухаммад привлек к себе птицу, пленив ее своей скромностью. Птица Факр – аллегория души, стремящейся к познанию истины и обретающей ее лишь через любовь к посланнику Аллаха. Здесь суфийская мистическая любовь тесно увязывается с представлениями ортодоксального ислама. Мухаммад олицетворяет в поэме высшее нравственное начало – смирение и покорность, граничащие с униженностью, при внутреннем совершенстве и величии духа. И это, как утверждает по-

¹⁴ Из старой турецкой поэзии / сост. И. Боролина. М., 1978. С. 11.

эт, – высший идеал суфия, отказывающегося от себя и тем самым приобретающего истинное богатство. Несравненное превосходство Мухаммада над другими пророками (крайними вольнодумцами-суфиями это оспаривалось) Ашык-паша стремится показать и в других своих сочинениях.

Рассказ о птице Факр является своего рода развернутым художественным, комментарием к известному изречению Мухаммада о «похвале бедности». Этот комментарий дан в суфийском аспекте, однако последний приближен к ортодоксальной трактовке. Это относится и к небольшой поэме «Описание состояния». Рассматривая три «состояния времени» (прошедшее, настоящее и будущее), Ашык-паша призывает доверяться только настоящему, которое вмещает в себя и прошлое и будущее, ибо «весь мир – одно сегодняшнее мгновение». В этой связи стоит и проповедь довольства настоящим, сводящаяся у Ашыка-паши к непротивлению злу: где бы ты ни был, кем бы ты ни был, цени сегодняшней день и «сто тысяч раз» возноси за него хвалу создателю.

Самое известное и обширное дидактическое произведение Ашыка-паши **«Поэма скитальца»** («Гариб-наме») («Garib-nâme») (1329). Поэма не имеет единого сюжетного стержня и состоит из десяти самостоятельных глав. Каждая глава, в свою очередь, подразделяется на десять дастанов и посвящена повествованию о предметах, число которых соответствует порядковому номеру главы. Так, в главе первой говорится о том, что есть в единственном числе (бог, вселенная), во второй – о понятиях и явлениях, каких бывает два (мир земной и мир небесный, добро и зло, душа и тело, день и ночь), в третьей – о трех измерениях времени (прошлое, настоящее, будущее), в четвертой – о четырех стихиях (земля, вода, воздух, огонь), в пятой – о пяти чувствах человека и т. д.

Стремление согласовать пантеистические представления и суфийские этические нормы с догматикой ислама обуславливало непоследовательность концепции Ашыка-паши, ее противоречивость и схоластичность. Пристрастие поэта-моралиста к схоластике обнаруживается и в самом характере его ученого мудрствования, построенного на кабалистических хитросплетениях, которые призваны раскрыть тайны мироздания.

Ашык-паша использует образы и приемы народного творчества и в своем описании «деяти свойств» воина-богатыря (глава девятая); его мужественного облика («подобно льву, он должен страх внушать

врагам»), богатырской силы («в плечах должна быть мощь, в руках – твердость, в лопатках – крепость, в поясе – сила»), его боевого коня, воинского облачения и оружия. И хотя герой поэта - борец за веру, народная эпическая основа образа проступает здесь из-под религиозного налета достаточно наглядно¹⁵.

Перевод С. Иванова:

Поэма скитальца

*Жил некогда один властитель славный,
Страной он правил волею державной.*

*Премногими уменьями владел он,
Свершил немало всяких добрых дел он.*

*Он мужем доблести великой был,
Всему на свете он владыкой был.*

*Дал тридцать сыновей ему творец,
И вот что раз им молвил их отец:*

*«Любое дело, в коем есть начало,
От века завершение венчало.*

*Ведет к возврату самый дальний путь,
Как жизнь ни длится – смерти не минуть».*

*Провидел он уже свой смертный час
И дал он сыновьям своим наказ.*

*Сказал он: «Сыновья, пришел мой срок,
Пришла пора – час смерти недалек.
Вас ныне всех уважу я советом –
Поведаю, как жить вам в мире этом!»*

*Они в ответ: «Верны твоим наказам,
Что ни велишь – мы все исполним разом».*

¹⁵ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 339.

*«Быть завтра вам, – велел он, – предо мной,
И каждый пусть стрелу возьмет с собой.*

*Заветное к вам у меня есть слово,
Скажу я, в чем всей жизни суть-основа».*

*Назавтра все пришли, как он велел,
И принесли с собою тридцать стрел.*

*Отец сказал: «Согните пополам
Вы стрелы ваши – вам совет я дам».*

*Они согнули стрелы и сломали
И говорят: «что нам прикажешь дале?»*

*«Придите завтра, – он им повелел, –
И снова принесите тридцать стрел,*

*Тогда я возвещу вам мой урок,
Чтоб каждый суть всех дел понять бы смог».*

*Они ушли и стрелы взяли снова –
Пришли, свершив веление отцово.*

*Услышь, что сделал этот мудрый муж, –
Усвой его наказ и не нарушь.*

*Все стрелы он сложил в один пучок
И крепко обвязал их поперек.*

*Все тридцать стрел тотчас едины стали,
Сильнее в тридцать раз – едины стали.*

*«Теперь, – сказал отец, – их не согнуть,
А если так – ясна ли дела суть?»*

*Как ни старались тридцать молодцов,
А все изнемогли в конце концов.*

*И как они те стрелы ни ломали,
Все стрелы были целы, как вначале.*

*И братья, пристыженные вконец,
Потупясь, ждали, что велит отец.*

*«О сыновья, – сказал отец, – о чада,
Кровь сердца моего, души отрада!*

*Совет мой – тем, кто мыслит о грядущем, –
В единстве, а не в двойственности сущим:*

*В одной стреле все немошно и хило,
В единстве – не страшна чужая сила.*

*Кто одинок – тот немощен, бедняга,
А в единенье беспредельно благо!»*

Мюрабба

*Стенает сердце соловьем,
И стон в душе горит огнем.
Каких плодов мы не сберем,
Когда весенний сад цветет!*

*Кто ни придет на этот свет,
Все по себе оставят след.
Сказ о Лейли с Меджнуном спет –
И нас восславят в свой черед.*

*В любви я словно бы в чаду, –
Где друга я себе найду?*

*Двенадцать месяцев в году
Огонь любви мне душу жжет.*

*Кто пламенем любви объят –
Мирских не ведает услад.*

*Путь мужественных нами взят,
Путь правой веры – наш оплот.*

*Что очи – брови! Только блик,
А нам люб весь желанный лик.
Он – тот невянущий цветник,
Который радость нам дает.*

*Кто упасть от смерти смог?
Для всех единый путь пролег.
Стоянка – лишь недолгий срок:
Готов наш караван в поход.*

*Ашык-паша, очнись от сна:
Надолго ли нам жизнь дана?
И нас настигнут времена, –
Обманчив их круговорот¹⁶.*

«**Рассказ**» («Хикайе») («Никâе») – маленькое месневи (59 бейтов). Это произведение Ашыка-паши привлекает внимание как один из ранних образцов турецкого юмора.

Это забавная история о том, как сообразительный и находчивый мусульманин перехитрил двух своих дорожных спутников – иудея и христианина. Иудей, пытавшийся доказать, что он самый ловкий и умный, был наказан за свое самомнение. В христианине заметна покорность обстоятельствам, уступчивость инициативе других. Мусульманин ведет себя по-иному: зря слов не тратит, не спорит, а действует – и добивается своего. Предмет их спора – кусочек халвы, которого не хватило бы всем троим. И вот трое взрослых мужчин пускаются на всевозможные хитрости, чтобы в одиночку съесть халву.

Комизм ситуации заостряется в развязке комизмом главного «героя» – мусульманина. Остроумие оправдывает его в глазах иудея и христианина. Хитрость и обман ловкому герою не в укор – такова давняя традиция фольклора. Трое путников соперничают в искусстве им-

¹⁶ Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 144–147.

провизации, столь любимом турками: по уговору халву должен съесть тот, кто расскажет самый интересный сон. Мусульманин превзошел всех: он воспользовался ложью одного и другого, сочинив ложь, так сказать, в третьей степени. В притче смех венчает дело¹⁷.

Перевод Е.И. Маштаковой:

Рассказ

*Где тот, кто говорит: «Я смысленный»?
Если бы все (дело было) в его смысленности!*

*Скажи ему, чтоб он не говорил «Я смысленный».
А будет говорить, пусть не кается потом.*

*Бывают посмысленнее его,
И скольких смысленных они повергают в рыданье.*

*Каким бы умным и быстрым ни был человек,
А повстречайся ему смысленный, – и терпит поражение.*

*Отбирают у него из рук деньги,
И проходит жизнь в рыданьях.*

*И вообще таковы будут дела у того, кто (много) мнит о себе.
И пребудет что было у того, кто обладает (истинным)
значеньем.*

*(Вот), к слову, хороший пример расскажу я тебе,
Ты уши навостри и слушай со вниманьем*

*Три путника вместе пустились в дорогу.
Теперь послушай, что с ними случилось.
Один был мусульманин, другой – христианин,
а третий – иудей.
«Я смыслен!» – возомнил о себе иудей.*

¹⁷ Е.И. Маштакова. Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе. М., 1972. С. 51.

*Кто не смышлен, зря себя выдает за смышленого.
В меру своего разума он умным себя считает.*

*Тот умен, кто от себя отказывался,
Кто от своего достатка доходил до нищеты.*

*Пусть его не прельщает мир и все, что есть в нем.
Пусть не обращает вниманья, что бы ни говорили.*

*Шли они и завернули в один город,
Не отыскали они караван-сарая для ночлега.*

*И остановились они в разрушенной мечети.
Много они прошли, отдыхали мало.*

*Поговорили они между собой немного
И сказали, что хочется им халвы.*

*Иудей сказал: «Устроим-ка мы угощение.
Пусть каждый выложит акче и купим халву».*

*Тогда по акче вынул каждый из трех.
Один пошел и купил халвы на базаре.*

*Появилась халва; они сели в кружок.
Иудей сказал: «Послушайте, что нам желательно:*

*Охота (поест) большая, да халвы-то чуть-чуть!».
Христианин сказал: «Съедим – много ли, мало ли...»*

*Иудей сказал: «Пусть халва лежит посредине.
Послушайте, старцы, что я скажу.*

*Мы немного полежим, отдохнем,
Проснемся и халву поедим.
Пусть каждый расскажет, какой видел сон.
Чей будет лучше, тому и халву есть».*

*Они улеглись, а халва была посредине.
Теперь веселую историю послушай.*

*Смешная история, мой бей, если послушаешь,
А выслушав, поймешь смысл (моих) слов.*

*Их языки прервали речи
До того, как глаза отошли ко сну.*

*Тот мусульманин внезапно встал,
Взял вдруг халву, перед собой положил.*

*Он ел халву, пока не кончилась вся.
Потом лег на место, весьма довольный содеянным.*

*Когда вдоволь полежали-поспали,
Проснувшись, подумали, что на месте халва.*

*Иудей сказал: «Что приснилось, теперь говорите.
Чего достигли во сне?»*

*Христианин сказал: «Сначала ты говори.
Чего достиг во сне, что увидел?»*

*Иудей сказал: «Смотрю, идет Моисей.
Он оказал мне почет, уваженье.*

*Тот Пророк взял и привел меня на Синайскую гору.
Он много с богом говорил без посредников.*

*Я тоже беседовал с богом.
Кто еще видел подобный сон?»*

*А мусульманин, тот чего-то молчит,
Все наблюдает, (чем) кончится дело.*

*Христианин говорит: «Слушайте, что видел я.
В каких местах я побывал во сне!*

*Если Моисей увел тебя на Синайскую гору,
Иисус привел меня в рай на седьмое небо.*

*Был я тогда на небесах,
Гулял среди правителей и ангелов.*

*Приятно беседовал с духом святым,
Познакомился с господом богом.*

*Если твой привал на Синайской горе, мой – на небе.
Мне есть халву! А ты отступись!»*

*А мусульманин, тот все молчал:
Он сам завершил свое дело.*

*Ему тоже сказали: «Говори,
Все, что видел, рассказывай».*

*Он сказал: «Увидел я: подходит Мустафа.
По облику он – полная луна, источник чистоты
и совершенства.*

*Лицом сияющий, с бровями черными Посланник.
Слова его – начало всех начал.*

*Я увидел: он пришел – лицо его свет источает.
И сказал: «Мусульмане, вставайте!»*

*Что ты лежишь? – сказал мне тот Посланник, –
Ешь халву, не жди – вот верный выход!*

*Моисей увел иудея на Синайскую гору,
А другого Иисус увел в рай на седьмое небо.*

*Чего ты лежишь? Быстрей вставай.
Съедай всю халву и снова ложись!»
Я посмотрел: вас нет там, где вы лежали.
Подождал: вы все не идете.*

*Я искал вас и подумал: как бы кто другой не пришел,
И съел халву, чтобы не испортилась».*

*Те (двое) сказали: «Молодец! Вот это дело!
Вот этого самого и желали (все)!»*

*Похохотали они, повеселились,
Подивились всему этому.*

*Смотри, какие смышленные те двое,
А как одолел он тех смышленных мужей!*

*Смотри, изо рта у них вырвал кусок!
Знай: так бывает с теми, кто мнит о себе.*

*Как бы много ни умел тот, кто мнит о себе,
Словом единым побеждает его тот, кто обладает
(истинным) значеньем.*

*Слово сведущего всегда имеет значенье,
А дело невежды – вечные притязанья.*

*Если ты сведущ, не вмешивайся в (эти) притязанья,
Пребывай в (своей) правоте, не поддавайся сомненью.*

*О боже, Ашыка от этих притязаний
Убереги, не отвращай его от (истинного) смысла.*

*Сделай его рабом людей смысла,
Прими молитву Ашыка.*

*О боже, того, кто говорил, и тех, кто слушал,
Милостью твоею прости, о Даритель!¹⁸*

Несмотря на то, что турецкая письменная традиция XIII-XIV вв. была тесно связана с философией суфизма, ее генетическая принадлежность к исламской культурной традиции проявлялась на различ-

¹⁸ *Маштакова Е.И.* Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе. М., 1972. С. 228 – 231.

ных этапах общественно-исторической жизни Турции. Религиозно-философские взгляды выдающихся поэтов эпохи отражали основные аспекты средневекового мировосприятия. Традиции, которые были заложены поэтами раннего средневековья, получили дальнейшее развитие в героико-эпической, агиографической и философско-дидактической литературе последующих эпох.

РАЗДЕЛ 2

Эпоха становления турецкой (османской) литературы (XIV – первая половина XV вв.)

Следующий этап в развитии литературы раннего Средневековья тесно связан с изменениями в социально-политической истории страны и ее государственной организации, и прежде всего с возникновением в Малой Азии на рубеже XIII-XIV вв. нового турецкого государства, получившего, по имени своего основателя, название Османского. Под его эгидой в XIV в. происходило объединение разрозненных анатолийских княжеств (бейликов), на которые в результате монгольского нашествия распался Сельджукский султанат. Воссоединение бейликов в рамках Османского государства сопровождалось завоевательными походами турок на византийские владения и порабощением стран Балканского полуострова.

Одновременно с утверждением феодальных отношений шел процесс формирования турецкой народности, начавшийся еще со времен первого появления турок на малоазиатских землях.

Вместе с оформлением турецкой народности происходило и становление турецкой (османской) литературы, как литературы этой народности. Местные литературы, создававшиеся в сельджукский период и в «период бейликов» на местных анатолийско-тюркских диалектах, в условиях централизации государства и консолидации народности постепенно вырастали в единую турецкую литературу, складывался единый письменный турецкий язык, впоследствии получивший название старотурецкого (староосманского) литературного языка.

В XIV – начале XV вв., несмотря на начавшее развиваться письменное творчество, была еще очень сильна устная стихия. Устным путем распространялся не только фольклор, но и творчество индивидуальных поэтов. Письменные островки располагались в центрах анатолийских бейликов при дворах местных феодалов, стремившихся окружить себя «книжными» людьми. Ими осуществлялись переводы религиозной ли-

тературы – «тафсиров» – комментариев к Корану, сказаний о пророках. Эти первые переводы отмечены простотой языка и ясностью изложения, еще не затуманенного «ученой» схоластикой. Кроме памятников религиозного содержания переводились исторические хроники, медицинские трактаты, персидские дидактические сочинения. Так, в Гермианском бейлике была переведена «Кабусова книга» («Кабус-наме») и сборник притч и рассказов «Марзубан-наме», а в Айдынском бейлике – басни из «Калилы и Димны», восходящей к индийской «Панчатантре». К этому же периоду относится и создание первых турецких ответов на поэмы Низами.

Героический эпос

Вместе с тем среди тюркских племен продолжают бытовать древние эпические сказания о подвигах огузских богатырей («огуз-наме»). Часть из них постепенно объединяется в цикл о Коркуте.

Огузские героические сказания, связанные с именем Коркута, известны по двум рукописям, более полной – дрезденской, озаглавленной «**Книга моего деда Коркута**» «Dedem Korkut Kitâbı», и ватиканской «Рассказ Огуз-наме о Казан-беке и других» (Nikâyet-i Oğuz-nâme-i Kazân Big Ve Gayrı), обе рукописи датируются XVI в.

«Книга моего деда Коркута» состоит из двенадцати сказаний. Слагаясь на протяжении многих столетий, они отразили общественные отношения и культурный уровень разных исторических эпох. Благодаря непрерывности эпической традиции эти различные по своему возрасту пласты постепенно связывались в единое целое, циклизуясь вокруг имен огузских богатырей и сказителя Коркута.

К наиболее архаичным относится восходящий к богатырской сказке «Рассказ о том, как Бисат убил Депе-Гёза», где повествуется, как огузский богатырь Бисат, вскормленный львом, победил страшного одноглазого великана Депе-Гёза, который пожирал людей. Сказание несет на себе печать глубокой древности, о чем свидетельствует и его сказочно-мифологический сюжет – ослепление одноглазого великана-людоеда, имеющий многочисленные параллели в мировом эпосе (например, ослепление Одиссеем циклопа Полифема), и связанные с тотемистическими представлениями мотивы: вскармливание Бисата львом, чудесное рождение Депе-Гёза от пастуха и крылатой девы-пери, магическая неуязвимость Депе-Гёза («стрела не вонзается, меч не режет») и др.

Древняя основа проступает также в «Рассказе о Бамси-Бейреке, сыне Кам-бури». Его сюжетную канву составляет история героического сватовства огузского бека Бамси-Бейрека к красавице Бану-Чичек, с которой он был обручен с колыбели, пленение героя врагом и возвращение через много лет из плена, откуда ему удастся бежать с помощью полюбившей его дочери бека гяуров. Бамси-Бейрек попадает на родину в день свадьбы жены с предателем, принесшим ложную весть о его гибели. В певце-озане, пришедшем на свадебный пир, Бану-Чичек узнает своего мужа.

Сказание о Бамси-Бейреке широко бытует в различных версиях у многих тюркских народов; в своей основе оно сложилось, очевидно, еще в период пребывания тюркских племен в Центральной Азии. Огузская версия, представленная в «Книге моего деда Коркута», сохранила многие древние черты: мотив долгой бездетности родителей, обручение детей с колыбели по обету отцов, наречение имени герою после первого ратного подвига, когда он «отрубил головы, пролил кровь», героическое сватовство с тремя видами состязаний жениха и невесты (скачки, стрельба из лука, борьба) и тремя условиями, поставленными перед женихом; внезапное возвращение мужа в день свадьбы своей жены. Однако по сравнению с другими версиями, в которых сказочно-богатырские черты сказания выражены более отчетливо (например, алтайская, богатая архаичными мифологическими элементами), огузская версия претерпела определенную трансформацию. В ней герой уже несколько утратил свои богатырские качества. Он менее гиперболизирован, действует в конкретных условиях Малой Азии. Боевое снаряжение (коня, лук) купцы привозят Бамси-Бейреку из Стамбула, герой сражается с гяурами-христианами, томится в крепости, которая была взята огузами только в середине XIV в.

Древний сказочный сюжет героического сватовства богатыря, включающий в себя целый ряд традиционных сказочных мотивов – поездку за невестой, единоборство героя со страшными зверями, победа над которыми являлась необходимым условием женитьбы, мотив богатырского сна и др. – составляет канву «Рассказа о Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи». Этот сюжет связывается здесь с реальными историческими событиями. Сказание повествует о женитьбе огузского бека на дочери трапезундского императора. Такие браки заключались в XIV – середине XV вв. довольно часто; к этому периоду относится, очевидно, и оформление этого сказания. Позднее, по отраженным в нем событиям, оно содержит много древних черт и в

сюжете, и в образах: например, трапезундская царица – это богатырская дева-воительница.

Мифологический сюжет поединка богатыря с ангелом смерти составляет стержень «Рассказа об удалом Домруле, сыне Дука-Коджи», где повествуется о единоборстве богатыря Домрула с краснокрылым Азраилом и о подвиге жены Домрула, согласившейся отдать свою жизнь как выкуп за мужа. В сказании о Домруле исследователи отмечают следы влияния византийского эпоса о Дигенисе Акрите. Отголоски старых преданий малоазиатского периода жизни огузов запечатлелись в сказаниях о разграблении дома Салор-Казана и о межплеменных распрях внутренних и внешних огузов.

Двенадцать сказаний, составивших «Книгу моего деда Коркута», не связаны общим сюжетом. Их объединяют лишь общие герои, и прежде всего дед Коркут. Народная традиция возвела Коркута в легендарного основоположника искусства озанов, сделала из него первого певца и музыканта. Сохранив пережиточные черты древнего певца-шамана, в синкретичном искусстве которого мелодия и жест были в то же время неразрывны с магическим обрядом, Коркут выступает как главный носитель огузских племенных традиций и заповедей, вещий заклинатель и прорицатель, владеющий поэтическим даром, что дает ему огромную власть над людьми: «Среди огузов он (Коркут) был первым человеком, он знал все; все, что он говорил, сбывалось. О скрытом (будущем) он приносил разные вести, что влагал ему в сердце всевышний бог... Коркут-ата разрешал затруднения народа огузов. Какое бы дело ни случилось, не спросив совета у Коркута-ата, его не решали. Все, что он приказывал, принимали, его слова держались, по его слову все исполняли» (перевод В.В. Бартольда)¹⁹. Однако в процессе бытования эпоса, под воздействием феодальной идеологии и религиозных идей, этот древнейший в своей основе образ обрастал новыми наслоениями. Из наставника племени Коркут превращался в советника ханов, древнего шамана вытеснял подвижник, носящий суфийский титул (деде, ата), проводник суфийской идеологии.

Подобными напластованиями отмечены и образы других героев – огузских богатырей, и общий бытовой колорит сказания. В целом последний воссоздает обстановку кочевой жизни огузов: разбросанные по степи или у подножия гор пестрые шатры – у верхов-

¹⁹ Образец из «Книги моего деда Коркута» дан в прозаическом переводе академика В.В. Бартольда. Из книги: Литература Востока в средние века, Ч. II / под ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 351.

ных беков златоверхие или беловерхие, многочисленные отары, табуны коней («с длинной шеей бедуинские кони»), верблюды («красные верблюды, идущие рядами»). В сказаниях развернуты картины боевых сражений, богатырской охоты и пиров. Однако под влиянием событий, связанных с переселением огузов на новую родину и утверждением ислама, действие, приуроченное к эпическому «веку огузов», переносилось в обстановку Малой Азии, огузские богатыри воевали с гяурами-христианами.

Основными героями эпоса, общими для ряда сказаний, являются эпический властитель огузов – Баюндур-хан и славный огузский богатырь Салор-Казан, или Казан-бек. За этими именами скрываются названия двух огузских племен: баюндур и салор, а во взаимоотношениях героев – представителей племен – угадываются отголоски реальных отношений между этими племенами в разные периоды их истории. Сказания о Салор-Казане, очевидно, возникли еще на Сыр-Дарьинской родине огузов, когда племя салоров предводительствовало над другими огузскими племенами; воспоминания о Салор-Казане сохранились во многих туркменских преданиях, частично ставших достоянием исторических хроник, частично бытующих и поныне в устной передаче среди потомков племени салор. Племя баюндур возвысилось уже в малоазиатский период, когда оно возглавило племенной союз Белого Барана, образовавшийся на востоке страны после распада Сельджукского султаната. В эпосе эти события отразились следующим образом: над главным богатырем Салор-Казаном возвысилась фигура Баюндур-хана, ставшего эпическим властителем всех огузов. Наметилась (однако последовательно не осуществилась) попытка связать это «перемещение» и генеалогически: в ряде сказаний Баюндур-хан выступает тестем Салор-Казана.

Сказания в «Книге моего деда Коркута» изложены прозой со стихотворными вставками. Эта форма характерна для эпической поэзии многих тюркских народов. Введение в повествование стихотворного монолога (песен героя) обычно предваряется обращением: «послушай, хан мой, что он говорит» или «послушай, хан мой, как они его славят...» и т. д. Метрическая основа песен – силлабическая, слоговая, характерная для народной поэзии тюрков, в том числе и для современного турецкого песенного фольклора. Утвердившийся позднее принцип слогового равенства (изосиллабизм) здесь еще не выдерживается, объем строки часто варьируется внутри одного и того же песенного отрывка, однако преобладает семи-восьми – или один-

надцати-двенадцатисложник. Наряду со стабилизирующей рифмой стих часто организует аллитерация.

В «Книге моего деда Коркута» воссоздана живая картина песенного творчества огузов. Вот сорок дружинников, «ударяя по струнам кобзы», славят своего бека перед выходом его на ристалище, вдохновляя на поединок с врагом:

«Султан мой Кан-Турали! Среди белых камышей увидя желтую кожу, свирепый лев, глава зверей, одолевает молодых ланей; раздирая жилы добычи, он сосет ее кровь; не отступает он перед черным булатным мечом, не повертывается перед крепким осиновым луком, не отступает перед острой стрелой с белыми перьями; разве даст он кусать себя твоему пестрому псу? Разве йигиты в день битвы заботятся о гибели?»²⁰.

Наряду с песнями-плачами (плач матери об убитом сыне, сестры – о пропавшем брате, жены – о муже), героическими и величальными, «Книга моего деда Коркута» сохранила образцы любовной песенной лирики. На древнейшие мотивы наслоились более поздние. Так, в древнее заклинание Коркута, завершающее каждое сказание («Пусть твои родные черные горы да не сокрушатся, твое тенистое крепкое дерево да не будет срублено»), вплетаются духовные стихи с традиционными для суфийской поэзии мотивами бренности и непостоянства мира: «Где воспетые мною беки-герои, говорившие: весь мир – мой? Их похитила смерть, скрыла земля; за кем остался тленный мир? Земная жизнь, ты приходишь и уходишь, тебе предстоит неизменный конец». Позднейшим напластованием эпоса, возникшим под влиянием господствующей идеологии, явилось и вложенное в уста Коркута пророчество о господстве рода, к которому принадлежала правящая династия Османов: «В последние времена ханство вернется к роду кайи, никому из их рук его не отнять, от начала последних времен до наступления страшного суда». Это пророчество, которое произносится в эпический «век огузов», в действительности могло появиться лишь после утверждения династии Османа и возвышения Османского государства.

Как справедливо отмечает В.М. Жирмунский²¹, исследовавший эпос тюркских народов, процесс циклизации огузских сказаний остался незавершенным. «Книга моего деда Коркута» зафиксировала ту

²⁰ Образец из «Книги моего деда Коркута» дан в прозаическом переводе академика В.В. Бартольда. Из книги: Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 351.

²¹ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 347–352.

стадию развития эпического творчества, когда биографические циклы еще не сложились. Именно поэтому в «Книге моего деда Коркута» отдельные сказания не увязаны общим сюжетом, последовательностью событий и имен. Некоторые былины относятся к ней очень условно, возможно, попали в нее извне. С другой стороны, известен целый ряд сказаний, оставшихся за пределами цикла, несмотря на то, что в них действуют иногда те же самые огузские богатыри, о которых повествует «Книга моего деда Коркута».

Выдающийся памятник огузского героического эпоса «Книга моего деда Коркута» является общим культурным наследием всех тех народов, в этногенезе которых участвовали огузские племена, и прежде всего туркмен, азербайджанцев, турок²².

Перевод И. Боролиной:

***Книга моего деда Коркута.
Вступление.***

Дед Коркут говорил: если не помолиться Богу, дело не удастся; если не подаст всемогущий Бог, человеку не разбогатеть. Если не предопределено от века, раба (божьего) беда не постигнет; без того чтобы не настал смертный час, никто не умрет. Умершему человеку не ожить, вышедшей (из тела) душе не вернуться. Накопив богатств до вершины черной горы, джигит все собирает, копит, ищет, (хоть) больше своей доли ему не съесть. Как бы ни разделились и ни разлились воды, моря им не наполнить. Гордых людей Бог не любит; человеку, высоко поднимающему грудь, счастья не будет. Воспитав чужого сына, сына не получишь; когда он вырастет, он погонит (коня) и уедет, не скажет, что видел (воспитавших его). Глине с холмом не сравняться. Если накинуть уздечку на голову черного осла, он мулом не станет; если надеть платье на служанку, она барыней не станет. Как бы густо ни выпал снег, до весны ему не остаться; цветущему зеленому лугу до осени не остаться. Старый хлопок тканью не станет, старый враг другом не станет. Не сгубив коня, дороги не пройти; без ударов булатным мечом избияния не отворотить. Не сгубив своего имущества, человеку не прославить себя (щедростью). Дочь без примера матери наставления не примет, сын без примера отца угощенья не устроит. Сын для мате-

²² Там же.

ри все, что ей нужно; он для нее как один из двух ее глаз; если сын вырастет на радость, он – глаз ее очага. Но что делать сыну, если после смерти отца не осталось имущества? Но и что за польза от имущества отца, если нет царя в голове? От злобы неудачников да сохранит вас Бог, хан мой!

Еще говорил дед Коркут: на трудных путях не умеющему ездить на кавказском коне негодному джигиту лучше на коня не садиться; ударяющим, режущим мечом трусам лучше ударов не наносить; для джигита, умеющего бить, лучше меча со стрелой палица.

Черным домам, куда не приходит гость, лучше обрушиться. Горьким травам, которых не ест конь, лучше бы не вырасти; горьким водам, которых не пьет человек, лучше бы не течь; грубому сыну, от которого нет славы имени отца, лучше бы не выйти из спинного хребта отца, не войти в чрево матери, не родиться на свет. Прославляющим имя отца, данным на радость сыном хорошо быть. Лживым речам лучше бы на этом свете не появляться; правдивым людям лучше бы жить трижды тридцать десятилетий. Жить бы вам десять раз тридцать десятилетий: да не найдет на вас Бог беды, да будет прочно ваше счастье, хан мой!

Говорил дед Коркут – посмотрим, хан мой, что он говорил: питаюсь травой, местные пастбища знает дичь; луга ровных мест знает онагр; следы далеких, далеких путей знает верблюд; запах семи долин знает лисица; чередование дневного света и ночи знает жаворонок; от кого родился сын, знает мать; рот и нос человека знает конь; бремя тяжести вьюков знает мул; в каком месте он обмотан, знает узел; боль головы, поплатившейся за беспечность, знает нос; с кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей отважен, кто негоден, знает певец. В день праздника пусть, ударяя о струны, играет (тебе) певец; блуждающую (по свету и невзначай) приходящую беду да отвратит Бог, хан мой!²³

Первая поэма Песнь о Бугач-хане, сыне Дирсе-хана

Байындыр-хан по давно установившейся среди огузов традиции устроил пир для беков. При этом он приказал поставить белые шатры

²³ Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. МГУ, 1996. С. 151.

для тех, у кого есть сыновья, красные для тех, у кого нет сыновей, но есть дочь, и черные шатры для бездетных беков. Чтобы сильнее унижить последних, он велел подавать им пищу из мяса черного барана и посадить их на черный войлок.

Так поступили с видным беком Дирсе-ханом, который прибыл со своей дружиной на церемонию. Он в гневе покинул ставку Байындыр-хана. Дома по совету жены Дирсе-хан устроил пир, накормил голодающих, раздал щедрую милостыню, вымаливая таким образом у Бога сына. У него родился сын, которого стали воспитывать так, как было принято у знати. В пятнадцатилетнем возрасте, играя со своими сверстниками, он вдруг увидел свирепого ханского быка, которого вели на площадь. Его товарищи бросили игру и спрятались. Но смелый юноша ударом кулака заставил отступить бросившегося на него разъяренного быка, а затем отрезал ему голову. При бурном восторге огузских беков Коркут нарек его именем Бугач (Бык). По огузской традиции отец выделил сыну наследство и дал ему бекство. Однако дружинники Дирсе-хана, завидуя смелости юноши и власти, которой он достиг, начали плести вокруг него интриги. Кончилось тем, что Дирсе-хан на охоте смертельно ранил своего Бугача. Мать с трепетом ждала возвращения сына из первого выезда на охоту; готовилась даже, по обычаю огузов, устроить пир по этому случаю. Встретив одного лишь мужа, она бросилась к нему с расспросами и упреками. Не получив ответа, она взяла своих сорок девушек-воительниц и отправилась искать сына.

Юноша лежал в крови, еле отгоняя от себя стервятников. Появился Хызыр и предупредил его, что лекарством от ран может быть сок горных цветов, смешанный с молоком матери, и тут же исчез. Приехала мать, увезла сына, вылечила, но все это держала в тайне от мужа. Юноша окончательно выздоровел. Тем временем сорок дружинников Дирсе решили покончить с самим ханом: сговорились связать его и передать в руки врагов. Узнав об этом, жена хана обратилась к сыну, рассказала ему о случившемся и попросила выручить отца. Бугач отправился один навстречу злоумышленникам и настиг их на стоянке. Дирсе-хан не узнал сына, попросил у изменников разрешения вступить в бой с юношей, с тем чтобы в случае победы они освободили его. Те согласились. Но юноша вступил в бой с сорока изменниками, часть из них

убил, часть взял в плен, а отца освободил. Бугач-хан получил бекство от Байындыр-хана, а Коркут сложил о нем поэму-огузнаме.

Третья поэма **Песнь о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры**

Хан мой! Сын Кам-Гана хан Баюндур встал со своего места, велел поставить на черную землю свой шатер с белым верхом. Велел поднять до небес пеструю палатку, велел разложить в тысяче мест шелковые ковры. Беки внутренних и внешних Огузов собрались на пир Баюндур-хана. Пришел на пир Баюндур-хана и Бай-бура-бек. Напротив Баюндур-хана стоял, опираясь на лук, Кара-Бурак, сын Кара-Гюне; справа стоял сын Казана Уруз; слева стоял сын Кызылык-Коджи бек Иекенк. Увидев их, Бай-Бура-Бек испустил вздох, ум в его голове помутился, он взял в руку платок, громко, громко зарыдал. Услышав это, опора остальных Огузов, зять Баюндур-хана, Салор-казан опустился на свое крепкое (колени); прикоснувшись к твердой (земле), он посмотрел в лицо Бай-Бура-беку и говорит: «Бай-Бура-бек! О чем ты плачешь и рыдаешь?» Бай-Бура-бек говорит: «Хан Казан, как мне не плакать, как не рыдать? У меня нет сына – нет своего венца; нет брата, нет мощи! Всевышний бог меня проклял. Беки! О своем венце, о своем престоле я плачу. Настанет день, я паду мертвым, мое место, мое жилище никому не достанется». Казан говорит: «В этом твое желание?» Бай-Бура-бек говорит: «Да, в том оно, чтобы у меня был сын, чтобы он стоял перед ханом Баюндуром, служил (ему), а я смотрел, радовался, веселился, гордился». Когда он так сказал, остальные беки Огузов направили взоры к солнцу, подняли руки, произнесли молитву: «Пусть всевышний Бог даст тебе сына», – сказали они. В тот век благословение беков было (истинным) благословением, их проклятие – проклятием, их молитвы бывали услышаны. Бай-Биджан-бек также встал со своего места и говорит: «Беки, и ради меня произнесите молитву; пусть всевышний Бог даст и мне дочь». Остальные беки Огузов подняли руки, произнесли молитву. «Пусть всевышний Бог даст и тебе дочь», – сказали они. Бай-Биджан-бек говорит: «Беки, если всевышний Бог даст мне дочь, будьте вы свидетелями! Пусть моя дочь еще в колыбели будет обручена с сыном Бай-Бура-бека».

Прошло некоторое время; всевышний Бог дал Бай-Бура-беку сына, Бай-Биджан-беку – дочь; об этом услышали остальные беки Огузов, возрадовались и возвеселились. Бай-Бура-бек призвал к себе своих купцов и отдал им приказ: «Слушайте, купцы! Всевышний Бог дал мне сына; идите в страну греков, привезите для моего сына хорошие дары, пока мой сын вырастет». Так он сказал: купцы отправились в путь, (шли) днем и ночью, прибыли в Стамбул, купили хорошие дары из редких и ценных товаров; для сына Бай-Буры они взяли серого морского жеребца, взяли крепкий осиновый лук, взяли палицу – шестопер; они собрались в дорогу. Между тем сыну Бай-Буры исполнилось пятнадцать лет; он стал красивым, добрым джигитом, мужеством походя на орла, ударяющего коршуна...

В век Огузов джигит, когда женился, выпускал стрелу; где падала стрела, там ставили свадебный шатер. Бейрек-хан также выпустил свою стрелу; где она упала, он поставил свой свадебный шатер. ...С сорока джигитами они сидели за едой и питьем. Проклятый шпион гяуров выследил их, пошел, принес весть беку крепости Бай-бурд; он говорит: «Чего ты медлишь, султан мой? Бай-Биджан-бек выдал обещанную тебе девицу за Бейрека; в эту ночь он входит в свадебный шатер». Тот проклятый с 700 гяуров совершил набег; Бейрек, не зная ничего, сидел среди своего пестрого свадебного шатра, ел и пил. Среди ночного сна гяуры окружили шатер; заместитель Бейрека обнажил меч, взял его в руки: «Пусть моя голова падет жертвой за голову Бейрека», – сказал он. Заместитель был разрублен, пал за веру. В глубокой воде потонешь, густая толпа (врагов) наводит страх; конь трудится, воин гордится, а пешему воину нет надежды; Бейрек с 39 джигитами был уведен в плен...

...Бану-Чечек открыла свою белую, как ребро, кисть руки; показала перстень, надетый Бейреком; Бейрек узнал перстень; тут он заговорил – посмотрим, хан мой, что он говорит: «С тех пор как ушел Бейрек, поднималась ли ты на вершины высоких холмов, девица? Состарившись (?), смотрела ли ты на все четыре стороны, девица? Рвала ли ты свои черные, как ворон, волосы, девица? Проливали ли ты из черных очей горькие слезы, девица? Раздирала ли ты свои алые щеки, подобные осеннему яблоку, девица? Ты выходишь замуж; золотой перстень – мой; отдай мне его, девица!» Девица говорит: «С тех пор как ушел Бейрек, поднималась я на вершины высоких холмов много раз; рвала свои черные, как ворон, волосы много раз; раздирала свои алые щеки, подобные осеннему яблоку, много раз; рас-

спрашивала приходивших и уходивших много раз; плакала, приговаривая: ты ушел и не вернешься, мой бек-джигит, мой хан-джигит, Бейрек! – много раз.

Тот, кого я полюбила, Бамси-Бейрек, – не ты; золотой перстень – не твой; у золотого перстня много примет; хочешь получить перстень, назови его приметы». Бейрек говорит: «Рано утром, ханская дочь, не встал ли я с места? Не вскочил ли на своего серого жеребца? Не поразил ли дикого козла у твоего жилища? Не позвала ли ты меня к себе? Не погнали ли мы с тобой коней на ристалище? Не обогнал ли мой конь твоего коня? Когда мы пускали стрелы, не рассек ли я твоей стрелы? Не одолел ли я тебя в борьбе? Трижды поцеловав, один раз укусив, не надел ли я на твой палец золотого перстня? Не я ли Бемси-Бейрек, кого ты полюбила?» Услышав такие слова, девица узнала Бейрека, поняла, что это он: как была одета, она упала к ногам Бейрека. Девушки надели на Бейрека кафтан и платье...

...Пришел мой дед Коркут; заиграл радостную песнь, сложил песнь, сказал слово, рассказал, что случилось с борцами за веру. Эта былина пусть будет посвящена Бейреку, сказал он. Я дам предсказание, хан мой: твои черные горы да не сокрушатся; твое тенистое крепкое дерево да не будет срублено; да будет местом твоего белобородого отца рай, да будет местом твоей седокудрой матери горная обитель; да не разлучит (тебя Бог) с сыновьями и братьями; когда настанет конец, да не разлучит (тебя Бог) с чистой верой; да увидят лик (Божий) говорящие аминь! Да соединится в одно (наша молитва), да стоит твердо; да будут прощены твои грехи ради лика Мухаммада избранного, чье имя славно, хан мой!

Пятая поэма

Песнь об удалом Думруле, сыне Духа-Коджи

Некий Делю Думрул, сын Духа-коджи, построил мост над безводным руслом реки и взимал по тридцать три деньги с тех, кто проходил по мосту, и по сорок – с тех, кто не проходил по нему. Он похвалялся, что нет и не было человека, равного ему по силе. Однажды у моста остановилось кочевье. И был среди пришельцев больной джигит, который вскоре скончался. Поднялся плач по нему. Прискакал к кочевью Делю Думрул и спросил, кто убийца джигита. Узнав, что юношу лишил жизни «краснокрылый Азраил», он расспросил о нем и потребовал от Бога, чтобы тот послал к нему Азраила поме-

риться с ним силой. Он хотел наказать его так, чтобы тот больше не осмеливался лишать молодых людей жизни.

Богу не понравилась дерзость Делю Думрула, и он приказал Азраилу отнять у Делю жизнь. Как-то Делю Думрул сидел со своими сорока джигитами и распивал вино. Вдруг появился Азраил. Вне себя от ярости, бек заорал на него, вопрошая, как это он, такой безобразный, явился к нему без предупреждения. Узнав, что перед ним Азраил, Делю Думрул приказал запереть двери и бросился на него с мечом. Азраил, превратившись в голубя, выпорхнул в окошко. Это еще больше распалило Делю Думрула. Он взял своего орла и поскакал за Азраилом. Убив пару голубей, он вернулся домой. И здесь перед ним вновь предстал Азраил. Испуганный конь свалил своего седока. Тут же Азраил сел Делю на грудь и готов был лишить его жизни. На мольбу Делю Думрула пощадить его Азраил ответил, что он всего лишь посланник всемогущего Бога, только Бог дарует и отбирает жизнь. И это было откровением для Делю Думрула. Он попросил Бога сохранить ему жизнь за то, что покорился. Бог велел Азраилу оставить его в живых, однако взамен потребовал жизнь кого-то другого. Делю Думрул отправился к своим престарелым родителям с просьбой, чтобы кто-либо из них пожертвовал собой за него. Родители не согласились. Тогда Делю Думрул попросил Азраила выполнить последнее его желание: зайти с ним к его жене, чтобы отдать распоряжения перед смертью. Прощаясь с женой, Делю Думрул велел ей выйти замуж, чтобы дети не росли без отца. Жена готова была отдать жизнь за него. Бог, однако, не принял ее душу, а велел Азраилу лишить жизни родителей Делю Думрула, верным же супругам обещал по сто сорок лет жизни.

Шестая поэма

Песнь о Кан-Туралы, сыне Канглы-коджи

В век огузов жил мудрый муж по имени Канглы-коджа. Задумал он женить своего сына Кан-Туралы, а тот предъявил необычные требования к невесте: она должна вставать с постели раньше, чем муж, седлать коня и садиться на него раньше, чем муж, и прежде чем муж нападет на гяуров, она должна напасть на них и принести их головы. Канглы-коджа предложил сыну самому искать себе невесту. Юноша объездил весь огузский мир, но тщетно: он не обнаружил невесты по своему вкусу. Тогда на поиски отправился его

отец вместе со старейшинами, и тоже безрезультатно. И вот старики решили отправиться в Трапезунд, у правителя которого была красавица дочь богатырского сложения, способная натянуть двойной лук. Отец девушки объявил, что выдаст дочь за того, кто сумеет одолеть трех зверей: льва, черного быка и черного верблюда.

Услышав о таких страшных условиях, Канглы-коджа решил все это рассказать сыну. «Если он найдет в себе достаточно мужества, то пусть претендует на руку девушки, если нет, то пусть удовлетворится девушкой из огузов», – подумал он.

Кан-Туралы не испугали эти условия. В сопровождении сорока соратников он отправился в Трапезунд и был принят с почестями. Юноша победил зверей. Сыграли свадьбу, но жених решил немедленно вернуться домой и сыграть свадьбу по своим обычаям и только тогда соединиться с возлюбленной.

По дороге домой Кан-Туралы решил отдохнуть. Выбрали подходящее место. Юноша заснул. Сельджан-хатун, невеста Кан-Туралы, опасаясь коварства со стороны отца, надела на себя доспехи и стала наблюдать за дорогой, пока жених спал. Ее опасения оправдались. Правитель Трапезунда решил вернуть обратно свою дочь и отправил большой отряд следом за Кан-Туралы. Сельджан-хатун быстро разбудила жениха, и они вступили в бой, во время которого она потеряла Кан-Туралы из виду. Девушка нашла его пешего и раненного в глаз. Запекшаяся кровь ослепила его. Они вдвоем бросились на гяуров и истребили всех. По окончании боя Сельджан-хатун посадила на коня раненого жениха и отправилась в дальнейший путь. По дороге Кан-Туралы, боясь опозорить себя тем, что спасся благодаря помощи женщины, решил расправиться с Сельджан-хатун. Она, обиженная нападением жениха, приняла бой и чуть не убила его. Затем состоялось примирение. Кан-Туралы понял, что нашел такую девушку, которую хотел. Снова сыграли свадьбу.

Восьмая поэма.

Песнь о том, как Басат убил Денегеза

Однажды враг напал на огузов. Становище откочевало. В суматохе был обронен младенец Аруз-коджи. Его подобрала львица и

вскормила. Через некоторое время огузы вернулись на свою стоянку. Табунищик сообщил, что ежедневно из камышовых зарослей появляется какое-то существо, которое ходит, как человек, поражает коней и сосет кровь. Аруз узнал в нем своего пропавшего сына, взял его домой, но он то и дело уходил в логово льва. Наконец Деде-Коркут внушил ему, что он человек и ему следует быть с людьми, ездить на скакунах, и дал ему имя Басат.

В другой раз, когда огузы откочевали на летовку, пастух Аруза встретил у источника нескольких пери, поймал одну из них, сошелся с ней, после чего пери улетела, сообщив пастуху, чтобы тот через год пришел и забрал у нее свой «залог». Через год, когда огузы снова прикочевали на летовку, пастух обнаружил у того источника яркую блестящую кучу. Прилетела пери, позвала пастуха, передала ему его «залог» и прибавила: «Ты на огузов навлек гибель».

Пастух стал кидать в кучу камни. Но с каждым ударом она росла. У источника появились огузские беки во главе с Байындырханом. Джигиты начали бить по куче. Но она все росла. Наконец Аруз-коджа коснулся ее шпорами, она лопнула, и из нее вышел мальчик с одним глазом на голове. Аруз взял этого мальчика, принес к себе домой. Пригласили нескольких кормилиц, но всех он погубил: «Раз потянул грудь, взял все молоко, до капли; другой раз потянул, взял у нее всю кровь; третий раз потянул, взял ее душу». Тогда стали кормить его овечьим молоком. Он рос быстро и стал нападать на детей. Как Аруз ни наказывал его, ничего не помогало. Наконец выгнали Депегеза из дому.

Появилась мать-пери, надела ему на палец перстень. Вышел Депегез за пределы огузского стана, поднялся на высокую гору и сделался разбойником. Он нападал на стада, на людей и всех пожирал. Никто не мог сравниться с ним. Все видные огузские беки, в том числе и всемогущий Казан, потерпели от него поражение. Тогда решили отправить к нему Деде-Коркута для переговоров. Депегез потребовал по шестьдесят человек ежедневно на съедение. Сошлись на том, что огузы будут давать ему по два человека и по пятьсот баранов в день и приставят к нему двух поваров, которые будут готовить ему пищу. Огузы отбирали людей поочередно из каждой семьи. У одной старухи было два сына. Одного забрали, когда же очередь дошла до второго, она взмолилась. Посоветовали ей обратиться к Басату, сыну Аруз-коджи, который славился как богатырь. Басат согласился вступить в единоборство с людоедом, но при первой же попытке

сразиться с ним был схвачен, заключен в пещеру и передан в руки поваров. Когда людоед спал, повара указали на единственное его уязвимое место – глаз. Басат накалил вертел и ослепил им Денегеза. Разъяренный людоед, чтобы поймать и наказать врага, встал у входа пещеры; выпуская баранов, он проверял каждого из них, но Басату удалось выбраться из пещеры в шкуре барана. Денегез еще трижды пытался побороть врага (посредством волшебного перстня, заколдованного купола, в который он помещал Басата, и волшебного меча), но тщетно. Наконец Басат убил людоеда его же волшебным мечом²⁴.

Воинская повесть

Наряду с постепенной циклизацией огузских сказаний вокруг имени Коркута в эпическом творчестве малоазиатских тюрок начинают складываться новые повествовательные жанры, и прежде всего, воинская повесть. Отправляясь от народной героико-эпической традиции, воинская повесть имеет своим содержанием изображение боевых походов и сражений. Однако традиционная героика богатырского эпоса претерпевает здесь существенные изменения, порождаемые феодальной идеологией. В странах мусульманского Востока воинская повесть пронизана идеями «газавата» – священной войны за торжество ислама. Герой здесь – ревнитель веры, сражающийся с неверными – гяурами. Его богатырские качества ослаблены, эпический размах деятельности сужен. В героические сюжеты и мотивы, сильно видоизмененные, вплетены романические, богатые фантастическими эпизодами.

Исторической основой **воинской повести «Баттал-наме»** («Battal Gazi Destanı») являются события, связанные с ведшимися на протяжении нескольких столетий арабо-византийскими войнами. Века и история причудливо перемешались в памяти потомства, факты действительности потонули в легендах. Воспоминания о походах арабов в Малую Азию слились с эпизодами, относящимися к эпохе водворения в Малой Азии тюрок и их столкновений с Византией. Основные события, о которых повествуется в сказании, восходят к IX–X вв., самые ранние – к VIII в., а наиболее поздние – к началу XII в.

²⁴ Электронный ресурс: www.russianplanet.ru/filolog/epos/dede/index.htm Турецкий эпос "Книга моего деда Коркута".

В центре сказания – легендарная история Баттала, рассказ о его жизни, боевых сражениях, а также многочисленных приключениях во время его странствий. Действие разворачивается в Малой Азии, и прежде всего в Малатье (Мелитина), где правит наместник Багдадского халифа. Сын доблестного военачальника, павшего в сражении с неверными, Баттал отправляется в земли греков, чтобы стяжать себе геройское имя, восстановить память о боевой славе отца и вернуть его место, занятое другим. Он сталкивается с невероятными опасностями и трудностями, участвует во многих сражениях, из которых неизменно выходит победителем благодаря своей силе, находчивости и уму. Среди главных врагов Баттала – ближайшие родственники греческого императора Миграила. Брата и зятя Миграила вместе с их сподвижниками Баттал обезглавливает и головы их, привезенные в торбе в качестве трофеев, выставляет на городских стенах, а императорского сына, захваченного в жестоком бою вместе со многими тысячами военнопленных, обращает под страхом смерти в ислам. За свои ратные подвиги Баттал получает всеобщее признание.

Баттал наделен богатырскими чертами. Его исключительность, превосходство над окружающими обнаруживаются с самого раннего возраста. В боевых сражениях он показывает чудеса храбрости. Сила и ловкость его безмерны. Одним ударом ноги он валит противника на землю, одним взмахом богатырской руки обрушивает на голову врага дубину в пять тысяч батманов весом. Однако влияние мусульманской идеологии вносит в эпический образ героя значительные поправки. Баттал оказывается сеидом, т. е. потомком Мухаммеда, а его появление как доблестного борца за веру, которому предстоит завоевать Рум, было возведено пророку через архангела Гавриила «200 лет назад». В этой связи мусульманскую окраску получает и магическая неуязвимость героя, ибо военное снаряжение Баттала – наследство святых праотцев.

Традиционный при изображении боевых сражений мотив пленения врага и добычи трофеев дополняется в сказании новым – обращением христиан в ислам. Тех, кто не принимает мусульманство, Баттал казнит, церкви разрушает и возводит на их месте мечети, о своих победах над неверными непременно посылает известия главе мусульман – багдадскому халифу.

Воинствующие поборники ислама, вдохновлявшиеся именем Баттала и превратившие его легендарную могилу в место паломничества, возводят его в родоначальники борцов за веру – «гази». Так, ле-

гендарный воитель сливается с образом святого, героические черты контаминируются с житийными. Распространение сказания в миссионерской суфийской среде обуславливает усиление этих житийных черт. Баттал воюет не только мечом, но и словом: он и храбрый воин, и богослов-теоретик, и проповедник, и блестящий оратор, получивший от сподвижника и знаменосца пророка знание 12 наук и 72 языков. Вместе с тем Баттал выступает в ореоле рыцарских качеств. Он обладает не только силой и блестящим умением владеть оружием, но и необыкновенной красотой, против которой не может устоять ни одно женское сердце. Однако связанные с этим новым качеством героя романтические мотивы также не свободны от религиозного налета: о существовании рыцаря необыкновенной красоты поклонницы Баттала узнают от являющегося им во сне пророка Мухаммада, и, таким образом, заочное зарождение любви ниспосылается им как дар свыше.

Сказание о Баттале отмечено переплетением героических и романтических элементов, пестротой и богатством сказочной фантастики. Здесь и древнее единоборство с девой-воительницей, сражения со сказочными чудовищами – драконами, дэвами, из плена которых герой освобождает красавиц, перелеты по воздуху, странствия по подземному морю, волшебные превращения и т. п. Добрые силы, выступающие помощниками героя, персонифицируются в образах как животных и сказочных существ, так и мусульманских святых. Так причудливо сливаются в сказании разные эпохи и традиции, образы и мотивы, отражающие архаичные формы быта – с конфликтами и обстановкой феодального времени; так дробится богатырский в своей основе образ, вбирая в себя новые черты – частью от средневекового рыцаря, частью от мусульманского подвижника. Фольклорная традиция переплетается с литературными заимствованиями из широко распространенной в Малой Азии и особенно на родине Баттала – в Малатье.

К воинской повести о Баттале примыкает другая – «**Сказание о Мелике Данышменде**» (Kissa-i Melik Danişmend). Исторические корни этого сказания, его хронология и география определяются исследователями довольно четко. Герой повести Мелик Ахмед Данышменд – основатель тюркского государства Данышмендов, которое возникло во второй половине XI в. на юго-востоке Малой Азии. Сказание разворачивает картины кровопролитных боев, возглавляемых Меликом Данышмендом и его соратниками, и завоеваний тюрками малоазиатских городов-крепостей. События излагаются в традиционном эпическом плане; традиционным предстает в сказании и образ

Мелика Данышменда – исполина с громopodobным голосом, одолевшего противника и в единоборстве, и в общих битвах. Главные враги Данышменда – местные малоазиатские правители (армяне, грузины, греки), с которыми Данышменд воюет под идейным знаменем священной борьбы за веру. Здесь Данышменд выступает непосредственным продолжателем и преемником Баттала. Доблестный родоначальник гази часто является Данышменду во сне и напутствует его на свершение ратных подвигов во славу мусульманской веры. Так же, как и Баттал, Данышменд соединяет в себе древние черты эпического богатыря и более поздние – восточного рыцаря и мусульманского подвижника, отмеченного божьей благодатью. Богатырская сила сочетается в нем с рыцарским искусством владения оружием и наездничеством, храбрость – с умом, образованностью и знанием разных наук, приобретенным еще в юные годы, до того, как явившийся Данышменду в вещем сновидении пророк Мухаммад призвал его для свершения газавата. Исламизаторская политика сопутствует всей боевой деятельности героя. Обращением противника в ислам неизменно оканчиваются эпические единоборства (традиционные три вида состязания), под священное знамя пророка становятся целые армии военнопленных, пополняя собой войско Данышменда.

Героико-эпическое сказание, отразившее картину малоазиатских завоеваний Мелика Ахмеда Данышменда, связывалось с историей Баттала постепенно. Можно предполагать, что непрерывно развивающаяся эпическая традиция вызвала в свое время к жизни отдельные сказания, посвященные детям и внукам Баттала, т. е. связанные со сказанием о Баттале по принципу прямой генеалогической циклизации. Подтверждение этому можно найти в первой части «Сказания о Данышменде», где главным действующим лицом выступает, наряду с Данышмендом, внук Баттала – Султан Дурсан. В дальнейшем все внимание в повести концентрируется на Ахмеди Данышменде, его личность оттесняет других героев, а его деятельность рассматривается уже как непосредственное продолжение деяний Баттала.

Многослойность памятника отразилась и на языке и стилевом колорите, где летописная документальность соединяется как с постоянными эпическими формулами, так и с украшательскими штампами сказителей, а традиционные эпические песни перемежаются с духовными суфийскими стихами и образцами книжной поэзии.

Постепенная трансформация богатырского образа в образ мусульманского подвижника, наметившаяся в воинских повестях о Бат-

тале и Дамышменде, находит свое продолжение в «Сказании о Сары Салтыке». События этого сказания, хронологически восходящие к XIII – XIV вв., разворачиваются уже на Европейском материке и острове Крите, куда перекинулась турецкая экспансия. Сары-Салтык – дервиш, миссионер, принимающий участие в османских завоеваниях и приобщающий к исламу местное христианское население. В его образе преобладают уже не героические, а житийные черты²⁵.

В хрестоматии приводятся три фрагмента «Сказания»: первые два посвящены единоборству героев, третий – общей битве.

Перевод В. Гарбузовой:

... Когда увидел это Мелик, не выдержал. Тотчас отъехал от алама, прищипорил коня. Конь взвился, как орел. Достиг майдана. Мелик оставил сбоку булаву, саблю – на перевязи, копьё взял в руку. Коня погнал по майдану. Привстал на стремянах, показал джигитовку. Тогда проклятый увидел Мелика. Схватился за копьё. Атаковал Мелика. Отразил Мелик копьём копьё. Проклятый проскакал мимо. Повернул обратно. Вторично атаковал. Мелик выставил щит. Снова отбил. И третью атаку отбил Мелик. Проклятый повернул обратно. Черед дошел до Мелика. Пустил он в проклятого копьё. Татыс укрылся щитом. Не взяло (копьё). Вторично атаковал. Не взяло. И третья атака прошла впустую. Проклятый сражался как муж, он был хороший богатырь.

... Мелик провел ещё три атаки и снова не одолел. Удивился. Когда они так и не добились победы на конях, Мелик спешил. Вооружение они оставили на конях. Снова стали друг против друга. Ширтин-горец подошел и схватился за кушак Мелика. Поднатужился. Потянул Мелика за кушак. Но не смог (сдвинуть с места). Так прошли три атаки. Не сдвинул он Мелика с земли ни на одну крупницу. Черед дошел до Мелика. Протянул он руки и крепко ухватился за кушак Ширтина-горца. Издал клич, поднял Ширтина над землей и бросил на землю. Вынул кинжал и, не дав тому пощады, отрезал ему голову.

... Как две горы столкнулись друг с другом войска. Такая битва произошла, такое сражение свершилось, что в море поднялся стон; казалось, настал день светопреставления. Сын перестал узнавать отца, а отец – брата. У каждого мужа душа стала скалой. Такая

²⁵ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 352–357.

битва, что словами описать нельзя. Такая, что борцы за веру и мусульмане на пути веры и усердия за Мухаммеда души свои принесли в жертву. Такая, что от ржания коней, от треска брони и лат, от сверкания сабель, от стука палиц, от шелеста стрел, от свиста луков, от рычания мужей, от клича богатырей, от топота конских копыт – такой стоял в мире грохот, что горы и равнины дрожали. Такая битва, что Мелик – гази и Артухи и борцы за веру сверкали, как молнии, сражались, как драконы или львы, кидались, как тигры²⁶.

Турецкие сказания о жизни и чудесах пророка Мухаммада и его сподвижников

Значительное развитие получает в XIII–XV вв. клерикальная литература на турецком языке, вызванная к жизни активно продолжающейся исламизацией местного населения. Наряду с духовными стихами и миссионерскими проповедями большое место в этой литературе занимали многочисленные мусульманские легенды, бытовавшие в устной передаче. Восходя к арабским источникам, они вбирали в себя местные предания, сохранившие отголоски древних представлений. Сюда относятся, например, различные эсхатологические легенды, «видения», рассказы о библейско-коранических пророках («Жертвоприношение Авраама», «История Иосифа Прекрасного», «Всемирный потоп и Ноев ковчег»). Центральное место среди религиозных легенд занимали предания о жизни и чудесах Мухаммада и его сподвижников, складывавшиеся в обширные циклы.

Мусульманская традиция жизнеописаний Мухаммада пополнялась в турецких дастанах обильным апокрифическим материалом. К числу наиболее ранних апокрифов, связанных с жизнью и чудесами пророка, относятся, например, **«Рассказ о лани»**, **«Рассказ о голубе»**. В первом из них повествуется о том, как охотники для испытания «пророческой силы» Мухаммада отпустили пойманную ими лань покормить сосунков с тем условием, что она непременно вернется, ибо в противном случае Мухаммад будет убит как лжепророк. Несмотря на все преграды и ловушки, расставленные гяурами на пути лани, она возвращается, а неверные, потрясенные этим, обращаются к «истинной» вере. В «Рассказе о голубе» пророк укрывает голубя, пресле-

²⁶ Литература Востока в средние века. тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 155–157.

дуемого соколом, а когда сокол молит его дать пропитание голодным птенцам, Мухаммад предлагает ему взамен кусок собственного тела. Наряду с вольной трактовкой религиозной сюжетики этим произведениям присущи большая искренность, задушевность, взволнованность повествования.

Широкой популярностью пользовались легенды, посвященные подвигам четвертого праведного халифа Али, зятя Мухаммада. Таковы построенные на фольклорных мотивах «**Дастан об отрубленной голове**» («Кисекбаш дастаны») («Kesik baş dastanı») и «**Дастан о драконе**» («Эждерха дастаны») («Ejderha Mızrağı dastanı»), принадлежащие дервишу Кирдеджи Али.

Средневековый дастан «Кисекбаш дастаны» занимает определенное место в обобщающих работах по истории татарской и турецкой литературы. Обнаруженные 19 рукописей, включая отрывки и фрагменты, передают одно и то же содержание, совпадающее с казанскими и турецкими изданиями. Кроме того, «Кисекбаш дастаны» воспринимался как произведение об исламских святых, поскольку центральным героем является святой Али. А подобного рода произведения прошли через века в почти неизменном виде.

В «Дастане об отрубленной голове» повествующий обещает слушателям рассказать о том, что, когда пророк Мухаммад восседал в окружении своих соратников, выкатилась в круг человеческая Голова, глаза ее полны слез, лицо излучает сияние. Эта Голова-Кисекбаш принадлежала человеку не простому: он пятьдесят раз совершил хадж, поднимался к ангелам, дружил со святым Ильясом, помогал бедным. У него были жена и сын, но появился див-чудовище, он съел сына и тело самого Кисекбаша, а его жену унес в глубокий колодец. Кисекбаш просит Мухаммада заступиться за него. Помочь вызывается Али – лев неба, он садится на коня Дюльдюля, берет меч-зульфикар, и они вдвоем отправляются в путь. Достигнув пустыни, где находится колодец, Али спускается туда один. Там он будит спящего дива, вступает с ним в поединок, побеждает его, освобождает всех пленных, в том числе и жену Кисекбаша. Пророк превращает Кисекбаша в юношу, воскрешает его сына, соратники пророка отдают ему его жену. В конце приводится имя главы ордена дервишей, которому посвящается дастан (имена различны), и имя переписчика.

Кисекбаш – правоверный мусульманин, верный муж, любящий отец, добрый феодал. Он так рассказывает о себе:

*Безраздельно Аллах и при мне и со мной –
День и ночь я не знаю беседы иной!
Пять десятков я странствий свершил до Каабы,
Всем радел я, кто голодны, нищи и слабы.
На коне я скакал среди вольных раздолий,
В небеса поднимался чудесною волей,
В сонме ангелов был я и знал их величье,
Вновь и вновь принимал я людское обличье.
Был я счастлив с женою и вырастил сына,
Как с друзьями, я с ними был слит воедино²⁷.*

(Перевод С. Иванова).

Его несчастья начались с приходом дива, который ни с того ни с сего явился в эти края и разрушил все его благополучие.

Сюжет с Пророком, выслушивающим исповедь отсеченной головы, а затем воскресшающим его, служит рамкой для другого повествования: центральным сюжетом «Кисекбаш дастаны» является легенда о драконоборце и девице. Здесь налицо все три необходимых элемента главного сюжета так называемого «догосударственного эпоса»: чудовище-див, красавица-жена Кисекбаша и богатырь – ее спаситель Али.

Легенда о том, что какое-то животное, чаще всего фантастическое, похищает самую красивую девушку племени, позже спасаемую юношей-героем, имеет распространение во всех странах мира. Сохранена еще одна сказочная деталь: див знает, что ему суждено погибнуть от руки богатыря. Вместе с тем есть одно отличие от сказочного дива, который обычно похищает только одного человека. В дастане Али освобождает от дива 500 мусульман и жену Кисекбаша, с которой богатыря не связывают родственные отношения. Важной чертой дива является то, что он противник мусульманства. Следовательно, он может рассматриваться как символ местного язычества или олицетворять собой монгольских завоевателей. Недаром даже во время боя Али обращается с молитвой к небесному божееству²⁸.

В «Дастане о драконе» Али победоносно сражается с бичом «мусульман одной далекой страны» – огромным семиголовым драко-

²⁷ Средневековая татарская литература VIII – XVIII вв. / под ред. Н.Ш. Хисамова. Фэн, 1999. С. 100.

²⁸ Средневековая татарская литература VIII – XVIII вв. / под ред. Н.Ш. Хисамова. Фэн, 1999. С. 99–101.

ном. Особый цикл в дастанах об Али составляют истории его священных походов-газаватов, например, в Синд, к Омманскому морю, в Йемен.

Легендарные повествования о священных походах пророка и его сподвижников положили начало целой серии эпических поэм о газаватах – «газават-наме». Героика этих произведений, осложненная религиозными мотивами, тесно переплетается со сказочной фантастикой и романтикой. Постепенно героями «газават-наме» стали выступать местные воители, вдохновлявшиеся идеей утверждения ислама. Так складываются многочисленные эпические поэмы о борцах за веру. Распространение этих произведений создавало культ воспеваемых героев и их реликвий, а гробницы гази становились местом паломничества. Особенный энтузиазм и воинственность поддерживались среди дервишей основанного в XIV в. Хаджи Бекташем ордена «бекташи», тесно связанного с янычарским войском. Сопровождая турецкие войска во время их походов и принимая участие в сражениях, они разжигали религиозный фанатизм, ненависть к иноверцам, славили погибших на поле брани. В агиографической литературе борец за веру часто неотделим от проповедника-миссионера, которому ниспосылается знание языков и ораторские таланты. Эти мотивы встречаются, например, в воинских повестях о Баттале, о Сары-Салтыке и в «Житии Хаджи Бекташа». В ряде других житий подчеркиваются и аскетические черты святого.

Традиционный образ святого и его условная биография подчинены определенной схеме: чудесное рождение, небесное откровение, призывающее к подвижничеству, прижизненные подвиги и дополняющие их посмертные чудеса. Вбирая в себя местную древнюю основу, святой обладает магической силой, ему повинуются стихии, дикие звери. Он неуязвим: не сгорает в огне, не обжигается в кипящей воде, легко переправляется через море (чаще всего с помощью звериной шкуры или молитвенного коврика, который он бросает на волны), летает по небу, принимая облик сокола, журавля или голубя, единым дыханием сдвигает с места гору, оставляет на камне следы своей ступни, одним взглядом усмиряет хищника. Время и место действия святых условны, ибо последние обладают чудодейственной силой покрывать за одно мгновение огромные расстояния. В целях сохранения идейной преемственности агиографическая традиция делала современниками и сподвижниками людей, живших в разное время и в различных местах. Сказочная фантастика сочеталась с конкрет-

ными географическими и бытовыми реалиями. Таковы жития суфийских шейхов, основоположников и святых патронов орденов и братств – Джелаледдина Руми, Ахи Эврана, Хаджи Бекташа. Здесь прославлялись аскетизм, отшельничество, а затем и подвижничество в быту. В восходящем к персидской литературе «Дастане об Ибрагиме Этхеме» святым угодником предстает и шах Хорасана, сменивший корону и трон на отшельничество, тяжелый труд дровосека и умерший в бедности.

Наряду с фольклорными истоками, арабской и персидской житийными традициями, турецкую агиографию питают среднеазиатские легенды, например, о суфийском проповеднике и поэте Ахмеде Ясави, а также местные предания, связанные с культом малоазиатских христианских святых, и византийская житийная литература²⁹.

Во второй половине XIV в. в поэзии получает распространение новый жанр – эпическая поэма (месневи). Эти поэмы сыграли значительную роль в развитии турецкого поэтического языка. В таких произведениях описывались в популярной, легко доступной для понимания форме завоевательные походы мусульманских героев и пророков, различные чудеса и приключения, сопутствовавшие им. Исторические лица изображались в легендарной окраске. Герои участвовали в таинственных событиях совместно с целой армией демонов, пери, джиннов и дэвов. Много места отводилось описанию чародейства и различных чудес. Излюбленными героями месневи являлись Али, Абу-Муслим, Хамза, а иногда даже и Мухаммад.

Среди таких произведений наиболее оригинальным было месневи **Сулеймана Челеби** (ум. 1410 г.), которое он назвал **«Рождение пророка» (Мэвлиден-нэби)**. Здесь живым и простым языком описаны рождение, полная чудес жизнь и смерть Мухаммада. Сулейман Челеби собрал все известные ему легенды о Мухаммаде и создал месневи, которое вскоре стало знаменитым даже за пределами Османского государства. Обычные для произведений того времени крайняя мусульманская тенденциозность и ярко выраженная суфийская окраска не снижают художественной ценности этого, бесспорно, талантливо написанного месневи.

Отрывок из месневи Сулеймана Челеби, где все творения мира приветствуют появление на свет Мухаммада:

²⁹ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 357–360.

*Все творения мира, голос обрета, воскликнули сразу –
здравствуй!
Здравствуй, о солнце сверкающее, здравствуй!
Здравствуй, о душа всех душ, здравствуй!
Здравствуй, о солнце влюбленных,
Здравствуй, о свет луны преданных.
Здравствуй, о соловей сада вечности,
Весь мир опьянел от любви к тебе.
Здравствуй, о вечная душа, здравствуй!
Здравствуй, о виночерпий влюбленных, здравствуй!
Здравствуй, о соловей сада красоты,
Здравствуй, о друг, обладающий красотой,
Здравствуй, о падишах двух миров,
Так как для тебя сегодня отведено / первое / место³⁰.*

Средневековая литература в связи с еще не преодоленной синкретичностью мышления человека той эпохи продолжала служить религиозным и политическим целям непосредственно. Она являлась ареной ожесточенной борьбы антифеодальных сил с феодальными, оппозиционных учений с ортодоксией, междоусобных распрей, столкновений отдельных еретических течений и сект.

Вольнодумные сочинения, многие из которых подверглись уничтожению, посягали на основы мусульманского правоверия, классовое и сословное неравенство. Таковы трактаты шейха **Бедреддина Симави** (1358–1416), руководителя мощного крестьянского восстания, вспыхнувшего в начале XV в. Исходя из пантеистического взгляда на мир, Бедреддин Симави и его последователи, развившие его учение, утверждали равенство и братское единение всех людей без различия их происхождения и веры и призывали народ к борьбе за осуществление идеалов, близких к потребительскому коммунизму, – общности имущества, земли, скота, одежды, пищи. Восстание было жестоко подавлено, руководители его казнены, однако идеи повстанцев, укрепившиеся в сознании народных масс, продолжали вдохновлять на новые выступления против гнета и несправедливости³¹.

³⁰ Гарбузова В.С. Поэты средневековой Турции. Л.: ЛГУ, 1963. С. 65–67.

³¹ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 346.

Сочинения Бедреддина Симави, создававшиеся в своем большинстве на арабском языке, – яркий образец вольнодумия, посягавшего на основы мусульманского правоверия.

Бедреддин, сын судьи из города Симавне, руководитель мощного антифеодального восстания, охватившего в начале XV в. территории Малой Азии, Греции, Болгарии. Исходя из пантеистического взгляда на единство мира, Бедреддин Симави и его последователи утверждали братское единение всех людей, социальное, в том числе имущественное, равенство. Восстание было жестоко подавлено, Бедреддин Симави повешен, но память о нем сохранилась в народном сознании. Восстанию Бедреддина Симави посвящена поэма Назыма Хикмета «поэма о Шейхе Бедреддине, сыне кадия города Симавне».

Ниже дан фрагмент из трактата «Поступление».

Перевод В. Куделина:

Это говорит сам Бог: «Ничего не существует, кроме меня». И основная цель – это Он. Слова святых, произносящих: «О цель!» и «О сущий!», подтверждают это. Бог входит во все вещи, хотя бы некоторые из них и противоречили друг другу. Совокупность вещей заключается в понятии «бытие». Каждая вещь есть проявление этого единого бытия. Таким образом оказывается, что весь мир – это обличье Бога.

...Цель совершения молитвы – направить сердца и охватить их вечным и великим бытием. Если же ты в течение года совершал намаз и соблюдал пост, но при этом сердце твое было погружено в мирские дела, ты не узнаешь никакой истины и не получишь вознаграждения.

...И ты, с этим обманутым сердцем, полагаешь, что знаешь Аллаха или что понял истину путем чтения книг? Будь уверен, что, покуда ты будешь это исповедовать и утверждать, ты будешь в той же степени удаляться от постижения истины.

...О человек, стремящийся познать Бога – Истину! Знай, что то, что творится на этом свете, выглядит вовсе не так, как это представляют себе невежды. Загробные дела относятся к миру духовному. Считать их такими, как их видят и представляют себе непосвященные, совершенно ошибочно. Истинно то, что говорят по этому поводу пророки. Они никогда не говорят неправды. Да и наука постигает их (загробные дела) и Истину. Нисколько не сомневайся,

*что те вещи, о которых пишется в книгах или рассказывается, – дворцы, реки, рай, гурии, мучения, ад и прочее, – имеют другой, отличный от общеизвестного смысл. Но этот смысл ясен только тем, кто постиг Истину*³².

С середины XIV в. в активную фазу вступает переводческая деятельность, где на турецкий язык переводится вся средневековая мусульманская премудрость. Наблюдаются и первые попытки переводов произведений художественной литературы. Например, придворные турецкие поэты знакомятся с творчеством Фирдоуси, Низами и Навои. Подражая знаменитым предшественникам, турецкие поэты создают оригинальные сюжеты. Хамди Челеби один из них.

Хамдулла (Хамди) Челеби (1448-1509) вырос в среде суфиев, где главой ордена был его отец Ак Шамсаддин. Хамди писал мистические суфийские трактаты, а также лирические стихи. Широкую известность ему принесла совершенно своеобразная «Хамсе» («Пятерница»). В состав «Хамсе» вошли поэмы «Юсуф и Зулейха», «Лейли и Меджнун». Затем последовала поэма «Рождение пророка» («Мевледи-нэби»), которая представляла назире на одноименное произведение Сулеймана Челеби. Исключительный интерес представляет четвертая поэма «Хамсе» – «**Дар влюбленных**» («Тухвет уль-ушшак») («Tuhfetü'l Uşşak»). Произведение оригинально и написано хорошим турецким языком.

Действие происходит в Малой Азии до взятия турками Константинополя. В городе Никсаре десятилетний сын одного богатого купца настойчиво добивается у родителей разрешения на самостоятельное торговое путешествие в чужие края. Думая, что мальчик помешался, отец отводит его к известному шейху, прося излечить ребенка. Однако шейх советует снарядить караван и отправить с ним мальчика в Константинополь.

Прибыв в Константинополь, юноша влюбляется в дочь везира византийского императора, женится на ней, бросает ислам и переходит в христианство. Проходит несколько лет в полном благополучии. Но вот юноша находит в Айя-Софии свой коран, брошенный им там несколько лет назад. Его жена, тесть и дети заинтересовываются книгой и просят его прочесть что-нибудь из нее. Моло-

³² Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 166–167.

дой купец читает суру «Истинная вера», которая производит на слушателей потрясающее впечатление. Жена и тесть понимают свое заблуждение и сразу же переходят в ислам. Новообращенное счастливое семейство переезжает в Никсар.

Поэма написана живым, красочным языком и имеет вставные газели, как это показано в приводимом ниже отрывке:

*Вдруг перед ним завеса раскрылась,
Из-за нее луна появилась,
Та луна, что красюю весь мир освещает
И за которой каждый день следует солнце.
Шербет ее уст – целебен для души,
А кудри с ума свести могут любого.....
В руках у нее чаша с прозрачным вином,
Одна капля его возвысит тысячу душ.
Кокетливо проследовал тот прекрасный кипарис,
Рядом с которым и солнце лишь блестящая луна,
Подошла она и стала прислуживать ходже,
Уселась рядом, колено к колену.
Рядом с этой сказочной птицей поблек бы даже павлин,
Опали б его перья и взлетели на воздух.
Цвет лица юноши стал цветом вина.
Пламень любви охватил ходжу-заде.
Когда же любовь раскрыла над ним сень,
Красота ее полнолуния превратилась в полумесяц.
Казалось, от ее локона наступил мрак,
И в мире раздалась печальные стоны,
Побледнел он, розы лица превратились в шиповник,
Покраснели глаза, превратились в рубины.
Горный козел попал в такую беду,
Что мускус распространяющая газель пришла ему на язык:
Газель
Огнем любви загорелась сердца свеча,
Душа и печень вспыхнули в огне, словно мотыльки.
Розою улыбнулся мир, дождавшись весеннего дня,
Сердце ж мое, словно лал, окрасилось кровью.
Я бродяга, но в сердце моем любовь,
Я гнался за дичью, но сам попал в силок.
Ах, проповеди нам не читайте, мы ведь безумцы,*

*Коль ты умен, сочиняй строфы и не будь скуп,
О, Хамди, каждый вечер и каждое утро ты
столько поклонов отбиваешь,
Потому что покой уснул, а горе, печаль и трусость
уже пробудились.
Когда она увидела, что добила желаемой цели,
Захотела, чтобы он отправился вместе с ней,
Поймала она ходжу-заде в капкан,
Сказала: «О, ты, возжигающий огонь на гумне души,
О, друг, ты увлек меня и скрутил, как жгут,
О, друг, обезумевший от ночной черноты моих волос,
Даже без крыльев сердце летит, словно птица,
Ты схитрил и любовь упустил, она попала в капкан...»³³.*

В конце поэмы Хамди поясняет, что весь сюжет представляет аллегорию: молодой купец – это человеческая душа. Она живет на небесах (Никсар). Стремясь к новым впечатлениям, душа устремляется на землю в бранный мир (Константинополь).

Здесь душою овладевает страсть к мирским наслаждениям (дочь везира). Душа забывает о небесном блаженстве. Неожиданно на нее нисходит просветление через посредство Корана. И душа вновь возвращается на небеса, но уже не одна, а вместе с новыми, только что приобретенными к исламу душами.

Такая, чисто суфийская трактовка сюжета поэмы, не может снизить для нас ее значения, которое заключается в том, что Хамди красочно и правдиво изобразил картину настоящей жизни своего времени. Конкретность и точность описания, типические условия, в которых развивается сюжет, реалистическое изображение героев – все это показывает, что здесь нет выдумки, что факты и люди заимствованы из жизни. Известно, что случаи перехода из ислама в христианство и обратно были не редки в ту эпоху как в Османском государстве, так и в Византии. Хамди, совершенно очевидно, описал один какой-то ему известный эпизод, но истолковал его мистически, что для того времени было явлением обычным.

Пятой поэмой в «Хамсе» Хамди Челеби является «Мухаммадие» – произведение, описывающее жизнь Мухаммада и дающее попутно свод всей современной автору науки³⁴.

³³ Гарбузова В.С. Поэты средневековой Турции. Л.: ЛГУ, 1963, С. 86.

³⁴ Гарбузова В.С. Поэты средневековой Турции. Л.: ЛГУ, 1963. С.88–98.

Таким образом, анализируя эпоху становления османской литературы, следует отметить, что произведения художественной словесности продолжали носить по большей части религиозный характер. При этом особенностью турецкой литературы в исследуемый период явилось сохранение богатой фольклорной традиции, которая находила отражение в произведениях героического эпоса и житийной литературы.

В XIV–XV вв. в турецкую поэзию приходят новые жанры – месневи, своего рода романы в стихах на сюжеты из «Пятерицы» Низами. Автор первой полной «Пятерицы» на турецком – Хамди Челеби, который наряду с заимствованиями делает первые попытки в создании оригинальных сюжетов.

РАЗДЕЛ 3

Турецкая (османская) литература в период наивысшего подъема (XV – начало XVII вв.)

Литература второй половины XV – XVI вв.

Во второй половине XV в. турецкая литература вступает в эпоху интенсивного подъема, достигшего своего апогея в середине XVI в. «Золотая пора» турецкой литературы совпадает с периодом наибольшего могущества Османской империи.

Новые гуманистические тенденции, обращение к реальной жизни и конкретному человеку ранее всего обнаруживают себя в лирике. Два источника, две традиции питают литературу эпохи – народная поэзия с ее вольнодумным жизнеутверждающим оптимизмом и поэзия, выросшая на иранской, «классической», культуре. Эти две традиции, в основе сближения которых лежало стремление воссоздать человеческую личность в ее универсальной гармоничности и многогранности, сочетаются во всех наиболее значительных памятниках эпохи.

Утверждаются в культурной жизни общества новые тенденции, по своему содержанию типологически сходные с явлениями европейского Возрождения. Преодолевая религиозный догматизм, в Турции создается новая светская литература, ставящая в центр внимания человека и борющаяся за его раскрепощение от оков социально-корпоративного сознания и средневекового мироощущения. Утверждая красоту земной жизни и наслаждение радостями бытия, представители возрожденческой культуры бросают смелый вызов средне-

вековой идеологии, религиозным запретам и нормам феодальной морали³⁵.

Михри-хатун (1456–1514) – выдающаяся турецкая поэтесса – родилась в Амасье, в семье судьи, который сам был довольно известным поэтом и писал под псевдонимом Белаи. Михри-хатун провела в этом городе всю свою жизнь, входя в круг поэтов при дворе правителя Амасьи. Письменные источники сохранили рассказы о том, что однажды поэтесса вышла победительницей в состязании поэтов, устроенном при дворе Ахмеда, что ее стихи пользовались большой известностью.

Михри-хатун получила богословское образование, прекрасно знала персидский язык и литературу. Содержание ее стихов в какой-то мере было ограничено кругом тем, обычных для тогдашней придворной поэзии: прославление силы и могущества Аллаха и его пророков, восхваление низменных «доблестей» султана, славословие в честь местного правителя и т.п.

Высказывала она и свои довольно независимые по отношению к официальному исламскому мировоззрению мысли о назначении религии, «о морали» того времени, о порядках в обществе. Все это воспринималось как своего рода вызов нравам и обычаям общества, в котором жила поэтесса, как индивидуальный протест против бесправного положения на средневековом мусульманском Востоке.

Литературное наследство Михри-хатун, дошедшее до нас, составляет один диван стихов. Между тем Эвлия Челеби в своей «Книге путешествий» сообщает, что поэтесса писала рисале на разные темы мусульманского законовещения, религиозных обязанностей, а также оставила несколько трактатов в стихах.

Открывает диван большая группа касыд, месневи и газелей. Это стихи во славу Аллаха и его пророков, стихи философского характера, стихи, трактующие вопросы мусульманского вероучения, стихотворные восхваления султана Баезида и шахзаде Ахмеда, «покаянные» стихи Михри, поучения и эпилог рисале. Пример начала одной касыды:

*Его величество хакан великий, падишах беспримерный.
Создал его в мире самый знающий и почитаемый (Аллах).
С тех пор как явилось миру сияние его красоты,*

³⁵ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 371.

*Утопает в свете этот мир, а мрак ушел в небытие.
Совершенен нравом он и добротой, несравненен и бесподобен
Прекрасен он своими знаниями и кротостью; он – владыка
красоты.*

*Ныне он в мире такой шах во всем справедливый, что
В его царстве никто никогда огорчений не терпит.
Он – султан Ахмед, который сегодня – источник благих дел,
На султанском троне он – шах вселенной, великий³⁶.*

Многие стихи Михри содержат рассуждения о боге как единственном создателе всего сущего:

*О Аллах! Люди и духи, звери и птицы,
Все, что ты создал в мире (этом),
Все они – рабы твои, хорошие и дурные.
Находят они прибежище в твоей благости³⁷.*

Взгляды Михри на устройство мира, на порядки в нем:

*Никто богатством мир не удержит:
Средство от смерти не найдет дитя человеческое.
Никто не удержит мир и любовью,
(Но) сколько птиц счастья спугнул он насильем.
Когда пребывают (султаны) на царском престоле, вдруг
Мир сбрасывает их головы к ногам.
Так как мир этот вовсе не вечен, (то),
Если умен ты, не найдется, что он постоянен.
Каждому какое-то дело ты предназначил;
Этим ты сделал радостной душу его.
Одного посланцем великим ты создал,
Другого покровителем святых сделал.
Одному ты без меры дал власти,
Другого на истинный путь ты направил.
Одного падишахом великим ты создал,
Другого рабом для него ты, Аллах, сотворил.
Одного ты ученым создал, о боже,*

³⁶ Михри-хатун. Диван. М.: Наука, 1967. С. 14.

³⁷ Там же. С. 19.

*Другого истым аскетом ты сотворил.
Одного для богатства ты создал,
Другому труд ты предназначил.
Одного повелевать ты создал,
Другого – всегда покоряться.
Одного ты сделал всегда творящим молитвы.
Другому кабак его обиталищем сделал.
Одному красоту лица ты даровал,
Другого безумным от любви ты сотворил.
Одного ты сделал стенающим влюбленным.
Другого – жестким возлюбленным.
Одного ты в разлуке заставил стенать,
Другому ты радость свидания дал.
Одному уготовил навечно ложе из кости слоновой,
Другой за свой труд не находит циновки.
Один без труда получает богатство,
Другой богатство искал, а нашел лишь заботы.
Один (богу) всегда благодарен,
Один верует, другой отвергает (бога)³⁸.*

Перевод И. Боролиной:

*Опять пришла, все оживив вокруг, весна,
Луга цветами разукрасила она.*

*Рисунков пестрых сколько мастер написал,
Сверканьем солнца кисть его озарена,*

*Тот счастлив в день сей, кто с красавицей в саду,
Ласкает милую, вином чаша полна.*

*Он розы с ее щек, а с губок мед берет,
Его любимая для неги создана.*

*Сегодня славит вся природа Божий мир.
Его богатство весне отдано сполна.*

³⁸ *Михри-хатун. Диван. М.: Наука, 1967. С. 12–23.*

*Увидев стан ее, танцует кипарис,
Чинары хлопают в ладоши: «Как стройна!»*

*Иди, влюбленный, за бутонем, его жди,
Всегда старайся свое счастье пить до дна!*

*Михри сказала: «Ты – той розы соловей»,
В ответ: «Таких я тыщу видел, как она!»*

*Внезапно от сна пробудилась и голову подняла,
С луной полной схожего юношу тут же увидела я.*

*Судьба ли то моя, иль свершилось веленье высоких небес?
Меркурий ли ночью рожденный сияет иль это луна?*

*Сверкая, струится свет яркий от дивной его красоты,
Похоже, что он мусульманин, но только одежда не та.*

*Как только глаза я закрыла, красавец тотчас же исчез –
Так знать я хотела, то ль ангел, то ль пери явилась из сна.*

*Во мраке ночном Искандера виденье предстало само,
Достигла источника жизни Михри, и ей смерть не страшна.*

*Любимой сердце навсегда отдать пришли мы,
Мы ищем боли и лекарство взять пришли мы.*

*Чтоб сделать голову мячом ее човгана,
На это поле, как влюбленных рать, пришли мы.*

*Мы свято верим, что в том вервии спасенье,
Чтоб крепко-накрепко себя связать, пришли мы.*

*Ты совершенство красоты, нет краше розы,
В твой Гюлистан, как соловей, стенать пришли мы.*

*Зекятом ей пускай послужит наша верность,
Ведь божеством ее своим признать пришли мы.*

*О лекарь сердца, исцели, прикуй цепями,
На цепь кудрей ее молясь, страдать пришли мы.*

*Как мотылек, Михри, всегда летишь к огню ты,
К свечам ее горящих щек сгорать пришли мы.*

*Влюблен – забудь про стыд, идя к любимой,
Огонь в тебе пусть полыхает негасимый.*

*А коль бесстрастен будешь ты в своих желаньях,
Она уйдет, с кем ты останешься, родимый?*

*Весну воспой, стеной о розе в Гюлистане,
Всегда считай свою любовь непобедимой,*

*Чтоб к ее платью не пристали бы колючки,
Иди за ней – путь пред тобой необозримый.*

*Любовь тревожна – ведь соперник ищет встречи,
На страже будь, не зная чтоб боли нестерпимой.
Бывало, прежде в небесах Михри парила,
И стала прахом, вняв судьбе неумолимой³⁹.*

Ашыкская поэзия

Наряду с городской культурой и освобождающейся от религиозной схоластики наукой, мощным проводником гуманистического идеала была поэзия народных певцов-ашыков из наиболее оппозиционных еретических сект. «Золотой» XVI в. – период наибольшего подъема Османского феодального государства – отмечен в истории страны нарастающими волнами народных выступлений. По образно-

³⁹ Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 184–186.

му определению проф. А.Д. Новичева, Анатолия представляла собой в это время «взорвавшийся пороховой погреб».

Антифеодальные движения проходили под знаменем религиозной ереси. В начале XVI в. активизируются кызылбаши – открытые приверженцы шиизма, сделавшие ставку на шаха Исмаила I Сефевиды, обещавшего народу избавление от социального гнета. С Исмаилом I, которого шииты почитали махди (мессией), они связывали осуществление своих надежд на возвращение к первоначальному, «чистому» исламу. Несмотря на султанский указ, запрещающий дервишам-шиитам переходить из Ирана и Азербайджана в Малую Азию, адепты шаха Исмаила, тайно проникавшие в страну, несли в анатолийские города и деревни свое учение о грядущем царстве справедливости. Правительство, видевшее в кызылбашах политическую угрозу, составляло списки еретиков, и в 1513 г. все попавшие в этот список от мала до велика (от 7 до 70 лет) подверглись полному истреблению, в результате которого погибло более сорока тысяч человек. Но репрессии не смогли пресечь кызылбашской проповеди, которая продолжалась и после поражения шаха Исмаила.

Ярким поэтическим выразителем антифеодальной борьбы XVI в. был ашык **Пир Султан Абдал**. Основные данные для установления биографии Пир Султана Абдала могут быть почерпнуты из его собственных песен, а частично – из легенд, сложившихся вокруг его имени. Даты жизни поэта неизвестны. Родом он был из деревни Баназ Сивасского вилайета («Нас в Баназе называют Пир Султаном»), участвовал в повстанческих выступлениях кызылбашей, был схвачен и заточен в тюрьму, а затем повешен сивасским губернатором. Поэзия Пир Султана Абдала, отразившая «громовые раскаты крестьянских бунтов» (Р. Моллов), была рождена народным гневом, она воспламеняла боевой дух восставших, вселяла веру в народное возмездие и торжество справедливости.

По своим религиозно-философским взглядам Пир Султан Абдал был суфием-пантеистом, воспринявшим пантеизм в его шиитской форме. Он славит божественное начало, разлитое в природе и нашедшее свое наиболее высокое воплощение в лице Мухаммада и его зятя, четвертого халифа Али, которого шииты почитали как божество. «Горы к Мухаммаду и Али зывают, сады к Мухаммаду и Али зывают..., огонь, зажегший фитиль, горит – к Мухаммаду и Али зывает...». Распыленные атомы божества участвуют в мировом кругообороте, все находится

в движении и взаимосвязи. Многообразие мира имеет единое начало, составляющее основу всех явлений, как дерево, на котором «самые различные плоды произрастают, и они из дерева тоже»; восходящий к древним языческим представлениям культ дерева как «основы основ» перешел, как пережиток, и в исламскую литературу: «Пой, моя желтая тамбура, твоя основа из дерева», – восклицает Пир Султан Абдал, напоминая, «что ведь «колыбель Хасана, Хусейна (сыновей Али. – И. Бо-ролина) – тоже из дерева».

Суфийская божественная любовь у Пир Султана Абдала – не абстрактная и созерцательная, а действенная, конкретная. Ее движущая сила – любовь к людям, страдающим «на этой черной земле», где должны быть равенство и справедливость. И поэт мечом и песней борется за утверждение на земле справедливости, возлагая все свои надежды на сефевидского шаха Исмаила I (а возможно, и его преемника), который являлся для Пир Султана Абдала олицетворением мессии, новоявленным Али, что пришел покарать творящих беззакония и возвысить униженных.

Традиционные для ашыкской поэзии образы и мотивы – жалобы на одиночество и тяготы скитаний, разлуку с родными краями, укоры «коварной судьбе» – у Пир Султана Абдала наполняются конкретным жизненным содержанием. За его песнями встает история героической жизни поэта-борца, поднявшегося против тирании и провозгласившего торжество народного возмездия: «Кто делает зло нам, пусть будет наказан, пусть трон падишаха в прах разлетится».

Поэзия Пир Султана Абдала преисполнена огромной душевной мощи, это поэзия борьбы, непреклонной воли к победе и презрения к смерти. Вместе с тем это взволнованная летопись народного движения, повествующая о его надеждах, победах, поражениях и жестоких расправах над побежденными, но непокоренными мятежниками⁴⁰.

Стихи-песни Пира Султана Абдала исполнены народного гнева, веры в грядущее возмездие и торжество справедливости.

Перевод М. Курганцева:

*Не нужен соловей в моем саду –
Без Друга я в тоске сгораю.*

⁴⁰ Литература Востока в средние века. Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. МГУ, 1970. С. 404–408.

*В своей лампаде масла не найду –
Без Друга я в тоске сгораю.*

*Я розой, сорванной до срока, стал,
Я пеной мутного потока стал,
Печной золой по воле рока стал –
Без Друга я в тоске сгораю.*

*В горах олени путь покажут мне,
Шахиды рану перевяжут мне,
Тебе поведают, в каком огне
Без Друга я в тоске сгораю.*

*Я, Пир Султан, и на своем стою.
Голодный, жаждущий – не ем, не сплю.
За Друга муку смертную терплю –
Без Друга я в огне сгораю.*

*С тех пор как я живу в бесчестном мире,
Покоя нет душе моей. Что делать?
С тех пор как я живу вдали от милой,
Удары жизни все больней. Что делать?*

*Как быть? Светильник Радости мигает,
Любому горемыке помогает.
А нас везде беда подстерегает.
В запасе нет ни сил. Ни дней. Что делать?*

*Я говорю: приди – и ты приходишь.
Я говорю: взойди – и ты восходишь.
Потерян я, найди – и ты находишь.
А вдруг я чужд душе твоей? Что делать?*

*Я, Пир Султан, твержу: пора в дорогу.
Спешу без страха, так угодно Богу,
Навстречу милой, одолев тревогу,
А если разминемся с ней? Что делать?*

*Палач разрушил мой очаг, мой дом –
И тело и душа мои изранены.
Стою один под каменным дождем,
И тело и душа мои изранены.*

*Теперь я знаю, кто мой друг, кто враг.
Отметила беда мой каждый шаг.
Я смертник, я приговорен, мой шах!
И тело и душа мои изранены.*

*Чтоб только Друг меня не отвергал,
Все вытерплю я, Пир Султан Абдал,
Пускай тобою, каменный обвал,
И тело и душа мои изранены.*

*Снег не тает в этом году,
А в горах только ветер шалый.
Соплеменников не найду –
Мы разгромлены. Все пропало.*

*Я – вскипающая река!
Я – карающая рука!
Выйду в сад – какая тоска!
Все погублено. Все пропало.*

*Розы сорванные лежат.
Струны порванные дрожат.
Смолкла песня. Растоптан сад.
Замер голос мой. Все пропало.*

*Пир Султан я, вольно дышу,
Презираю Хызыр-пашу,*

*Слышу Друга, к нему спешу –
Пусть все рухнуло, все пропало!*

*Милосердие Божье, создавшее мир!
В этом мире, прости меня, жить невозможно.
Соглядатаи смотрят за домом моим –
Неотложное дело решить невозможно.*

*Изменяется все. Прорицанья смешны.
Справедливые ханы с престолов сошли.
Недостойные отпрыски стали важны –
Мимо них без опаски пройти невозможно.*

*Здесь ворона – орлица, а ворон – орел,
И над лысиной плута – святой ореол,
И ничтожный почтенное имя обрел,
А правдивых и честных найти невозможно.*

*Правда изгнана – этого бог не простит.
На почетном ковре недоучка сидит.
Наши девушки напрочь отбросили стыд-
Их от божьего гнева спасти невозможно.*

*Пир Султан, несчастливый сбывается сон.
У тебя из груди вырывается стон.
Над тобою невидимый нож занесен.
Неужели его отвести невозможно?⁴¹*

Литература конца XVI – первой половины XVII в. Сатирическая поэзия

Со второй половины XVI в. в Османской империи обнаруживаются признаки упадка. Разложение военно-ленной системы, начавшееся еще в первой половине столетия, подрывает основы турецкой

⁴¹ Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 212 – 215.

военно-феодалной мощи, ведет страну к глубокому и затяжному социально-экономическому кризису.

Сатирические мотивы, тесно связанные с упадочническими настроениями, получают широкое распространение уже во второй половине XVI столетия. Перекликаясь с историками, поэты смело выступают с осуждением неурядиц в стране, бичуют общественные пороки, упадок нравов, грозят грядущим возмездием. С большой силой эти тенденции выражены в творчестве Рухи⁴².

Осман Рухи (1545–1605) родился в Багдаде в семье выходца из Румелии и провел в этом городе большую часть жизни. Возможно, что Рухи был воином-сипахи и участвовал в военных походах. Умер поэт в Дамаске.

По своим философским взглядам Рухи был приверженцем хуруфизма, в своих стихах часто упоминал Фазлуллаха – основателя этого оппозиционного ортодоксальному исламу течения (XIVв.) – как своего духовного наставника.

В философской лирике «**Теркиб-и бенд**» («*Terkib-i Bend*») Рухи, где часты мотивы разочарования и неудовлетворенности, ярко представлены сатирические тенденции⁴³.

Перевод Е.И. Маштаковой:

Теркиб-и бенд

I

*Не думай, что мы пьяны от вина виноградного.
Мы – люди из питейного дома, мы в опьянении извечно.
Бесчестные люди думают, что и мы бесчестны.*

*А мы – приверженцы поцелуев уст чаши и ладоней
(дающего вино).*

*Что делать, мы (лишь) поджидаем почетное место на пиршестве мира,
Наше место у сосуда с вином: мы боготворим вино.*

⁴² Литература Востока в средние века. Ч. II / под ред. Н.И. Конрада. М.: МГУ, 1970. С. 425–428.

⁴³ Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. М.: МГУ, 1996. С. 207.

*Никого мы не хотим обидеть, но мы
Не оставляем в покое праведников, разбивающих чаши.*

*Тайным недоброжелателям лучше быть от нас вдали:
Наши стрелы не падают (зря) на землю: мы владеем кольцом на
луке.*

*В этом брennom мире не богачи мы, не нищие:
С высокими мы высокие, с низкими (людьми) низкие.*

*Мы с праведниками пьем из одной чаши, не ссоримся.
Мы из питейного дома, но опьянены любовью:*

*Мы опьянены вином из питейного дома мира души.
Мы во главе круга людей, прильнувших к чаше (вина).*

II

*Виночерпий, неси вино, что разгоняет горе!
Блеск придай тому зеркалу, что заржавело от печали.*

*Мы влюблены. От нас на миг не отдаляй
То вино, что сердца свет и око Джема.
Эй, господин, не важничай перед брнным людом:
(Даже) бедняки в этой стране – это падишахи
без слуг и свиты.*

*Тот есть прах – да возвысит бог твое достоинство! –
Венец на главе мира тот, кто есть прах под ногами.*

*Давай отправимся в питейный дом назло тому,
Чей стан кривой согбен от лицемерия.
Вино неси нам, виночерпий; мы те, о ком говорят:
«(Это) ринды, что от веку с утра пируют, пьют вино».*

*Послушай Пеями стих на случай –
Он лучший из сладкоречивых поэтов – персов:*

*«Мы ринды, спозаранку пьющие вино.
Мы больше всех осушаем бокалов, мы опьянены больше всех»⁴⁴.*

III

*Для людей чистых мир был бы приятным и радостным,
Если бы человек проводил свою жизнь как должно.*

*Если бы концом здоровья не была болезнь, концом свиданья –
разлука!*

*Если бы пиршество не кончалось отравой, а свадебный пир –
печалью!*

*(Только) тот радостен в этом бренном мире,
Для кого равны и радость, и горе.*

*Пусть всегда будут в питейных домах собеседники у риндов:
Ступай, собирай – много ли, мало ли (– всех),*

*У суфия Малик – и Динара, который в довольстве живет,
Если возьмешь дирхем, он душой изведется.*

*Если суждено, чтобы земля стала последним местом
(успокоения),*

*Пусть будет (так) и для нуждающегося в (одном) дирхеме, и
для имеющего деньги.*

*Вино неси нам, виночертий! Выпьем назло тому,
Кто в невежестве своем хвастается тем, чего не знает.*

*Каждый, кто отвергает пьющих вино,
Увы, пусть ищет бога там, где разумеет сам.*

IV

*Смотри на праведника, который говорит: «Я указую путь
истинный».*

Вчера (еще) ходил он в школу, а сегодня говорит: «Я учитель!».

⁴⁴ Цитируется стих Пеями (XVI в.), придворного поэта шаха Акбара, одного из Великих Монголов.

*В питейном доме ищет он (духовного) опустошения,
разрушения.*

Жалкий, он среди развалин говорит: «Я процветаю!»

*Пусть ни на миг из рук не выпускает чашу вина, похожую
на розу,*

Тот, кто в этой обители печали говорит: «Я доволен!»

*Пусть станет презренным рабом, кто строен, как кипарис,
Кто говорит: «Я в мире свободен от тоски».*

*Сердцем страждущий, он жизнь проводит в горе бедствий,
А говорит: «Я – Ферхад – победитель!».*

А этот не ищет свиданья и счастливо живет в разлуке.

*Несчастный, он говорит: «Я свыкся с тоской по
возлюбленной!».*

(Другой) искал и места не нашел, где бы развлечься,

И говорит: «Опять в Багдад отправлюсь».

*Багдад – это раковина, а Неджеф – драгоценная жемчужина
в ней.*

*Рядом с нею жемчуга и драгоценности – (только) камни
да поделки из глины.*

V

Та жемчужина несравненная; не найти равной ей.

*Та жемчужина беспримерная; не подходит ей раковина
всего сущего.*

*Тому, (духовно) возвысившемуся, пристало призывать
к благородству,*

Ибо он не посягает ни на этот мир, ни на тот.

Кто постигнет то, что известно Ему, –

Тайные знаки книг из медресе вселенной?

*Земля и небо поплачут завтра над праведником,
Не испившим из рук Его чистую чашу.*

*Сказал он: «Тайна четырех книг в одной точке,
А тайна всего существующего в тех четырех».*

*И сказал он: «Я – эта точка. Пойми тайные знаки ее:
То есть я всеми именами назван».*

*Раз для праведных людей мораль рассказа стала целью,
О просвещенный, пойми и узнай, что есть цель.*

*Слова о скрытом и явном – все болтовня и пустословие.
В точке одной главное слово, первое и последнее.*

VI

*В неурочный час, утром, зашел я в мечеть помолиться.
Увидел: сидят кружком грешные люди.*

*С четками в руках, словно бы отрешившись от жизни,
устремились они к единению с богом.
И каждый твердит: «Сорок – пятьдесят!»*

*Спросил я «Что подсчитываете? Что продаете, что
покупаете?
Нет у вас на устах ни имени пророка, ни Аллаха».*

*Сказал один из них: «Повелитель (своего) времени
Постоянно приходит в мечеть оказывать благодеяния.*

*Он жалует беднякам по сорок – пятьдесят (монеток).
Подожди, сейчас самое время прийти ему, эмиру с небес».*

*Я понял, для чего они пришли в мечеть,
Отвернулся от них и сказал: «О люди, знайте:*

*Кто далек от вас, тот близок к богу,
Ибо идете вы по пути заблуждений.
Истина в том, что все ваши деяния – двуличие и лицемерье.
Вы притворяетесь, и все ваши молитвы напрасны».*

VII

*Если в мире ты просишь желаемое у подлецов,
О страстно желающий, доколе будут у тебя эти
несбыточные мечты?!*

*Если ты видишь выродка в халате и чалме,
Ты оказываешь уважение халату его и чалме.*

*Еще не поняв, кто скрыт за великолепной внешностью,
Ты начинаешь рассказывать ему о его покорном слуге.*

*Он не подает милостыню под тем предлогом, что (все)
нищие – притворщики,
Если же сделает хоть кроху добра, потом закорит.*

*Увы, если ты в хырке и зовешься дервишем,
Он постарается испепелить тебя под тем предлогом, что ты
безбожник.*

*Жаль тебя: ты скуп и жаден.
Из-за пустяка ты стяжал в мире дурную славу.*

*Нет тебе покоя: глаза у тебя не сыты,
Хоть есть у тебя пища и утром и вечером.*

*Зачем тебе нужен кусок мяса? Разве ты не сыт хлебом?
Пусть станет отравой кусок, что остается у подлецов!*

VIII

*Дети (своего) века, они жаждут почета и славы.
Каждый воображает себя (самым) именитым в своем роду.*

Если он начнет говорить, то выставляет себя знатоком.

*Каждый мнит, что он и есть вершина (своего) времени.
Умные люди ничуть не верят
Тому мюриду, которому верят глупцы.*

*Подражая другим, он склоняется в молитве,
А на поверку – (это) осел, порвавший узду веры.*

*Сказал он: «Мне открылись тайные знаки Истины».
Клянусь Аллахом, его слова – ложь! Ей-богу, ложь!*

*Будь подальше от него, не следуй за ним понапрасну:
Тот, несведущий, идет дорогой подозрений и сомнений.*

*О ищущий доказательств, если ты понятлив,
Послушай эти (мои) слова: они – весть от знающих.*

*Берегись! Забудь то, что знал, не противься,
Примкни к такому пиру, чтобы постигнуть тайну загробной
жизни.*

IX

*Эй, господин! Оказывается, так от души ты стенаешь-
рыдаешь,
Что у тебя с фонтаном слез и клочья сердца вылетают!
Ты горько рыдаешь, но тебя в конце концов (все равно)
отлучат
От сына твоего и жены, от блеска твоего серебра и золота.*

*Хотя ты и прибыл из небытия в этот бранный мир,
Но что пользы для тебя в этом пришествии? Знай это!*

*Нет выхода твоей душе через врата презренного мира,
Клянусь Аллахом! А может быть, ты доволен этим?!*

*Смотри же, так проходи через весь этот мусор,
Чтоб и пылинка не пристала к тебе!*

*Если ты (всего) себя засыплешь серебром и золотом,
Думаешь, сквозь этот щит не пройдут стрелы смерти?!*

*Помня имя Мудрого, не связывай себя с тем, что уводит
с пути истинного.*

*Став безумным от любви, перечеркни себя калемом
отрицания.*

*Эй, хозяин! Если даже ты умен и сведущ,
Душа, безумная от любви, не сменяет свое безумие
на тысячу умов.*

X

*О могущественный Владыка, где же милосердие
и великодушие?!*

Почему нет расположения к риндам, пьющим вино?

*Ты говоришь: «извечный удел их – муки и страданья».
Почему же страдания, а не радость и веселье?*

*Ты говоришь: «Насладятся завтра те, кто не наслаждался
сегодня».*

Разве это так много, если рабы твои будут пировать два дня!!

*Раз ты можешь дать то, что нам нужно,
Какая необходимость откладывать твои благодеяния
на завтра?*

*Народ вынужденно терпит эти мучения, но,
Если бы человек (даже) стал черной горой, он (и то) не
вынес бы этого.*

*Если расскажешь кому-нибудь о своем положении, говорят:
«(В этом) есть сокровенный смысл!».*

Ах, разве неизвестно, что погубил нас этот смысл?!

Что творит, бесполезно вращаясь над нами,

Это вместилище страданий, что в народе зовется судьбой?!

*Довольно! Без смысла оно вращалось! Если теперь остановится,
Пока обратно не пошло, уж лучше б рухнуло оно (на землю)!*

XI

Нет у судьбы постоянства ни в добрых, ни в дурных ее предначертаниях.

Нет у фортуны верности ни для избранных, ни для простых людей.

Не обманывайся ее добрыми предначертаниями, не огорчайся дурными.

Не думай, что в дурном предначертании горе, а в добром – радость.

Не питай склонности к избранным, не отворачивайся от простых людей.

Не говори, что у простых – скарденность, у избранных – щедрость.

А теперь надейся на других – видишь:

Нет ни тебе пользы от меня, ни мне от тебя.

Увидев на других атлас и шелк,

Не печалься, что на тебе (самом) старая аба.

Откажись от всех этих мыслей. Знай (свое) время.

Знай, безумен тот, в чьей голове подобные желания.

Не печалься о будущем, пей вино и любуйся прекрасным ликом.

У влюбленных есть еще обещание будущего свидания.

Есть возможность развлечься, не упускай случая:

Мир не стоит того, чтобы человек из-за него страдал.

XII

Что ж, с виду мы ничтожны, но по сути своей мы (само) солнце.

Мы – душа, которую вдохнул в Мерьем Святой дух.

*Каждое утро чашей солнца мы пьем вино.
Мы пируем по утрам вместе с Исой.*

*Если мы зареклись пить вино без красавиц,
Мы тверды в своем зароке, неколебимы.*

*Если враг – змея, то мы – сверкающие – белые руки Мусы,
Если потоп – бедствие мира, то мы – Ноев ковчег.*

*Пусть мулла на кафедре разъясняет суть искусства слова.
Дай нам кубок с основным тезисом: мы – те, кто дает
пояснения*

*Суфий, не сможешь ты увидеть нас плотским взором.
Открой глаза духовные, смотри, что за душа у нас.*

*В сравнении с говорунами мы кажемся молчаливыми.
Для риндов с животворным дыханием Исы мы – ключ к
соединению с богом.*

*Мы (обладаем) дыханием Иисуса, наше прозвище Рухи, мы бес-
смертны, как (сам) источник жизни.
Мы – жемчужина сути, сокрытая в море свойств.*

XIII

*Столько времени вращаются эти четыре элемента,
И неизвестны ни начало этого, ни конец!*

*То движутся они в мире обособленно,
То вращаются они в мире в соединении.*

*В обособлении они вращаются по воле своей или не по своей.
В соединении их возникают три потомка.*

*Среди всего живого и сущего уважением пользуется человек,
И все сущее зависит от него.*

*Те, кто познал себя, верят Творцу.
Те, кто верят не познав себя, – кяфиры.*

*Кяфиры – те, кто по невежеству землю превращают в ад,
Ибо – удивительная тайна! – невежество поистине есть
неверие.*

*Этот мир пригоден для невежд, а люди совершенные,
Став знающими, зрелыми, никакой силы не имеют.*

*Счастье – в невежестве! А что делать нам (с нашим)
совершенством?
Пустые болтуны наслаждаются (жизнью, а что делать нам,
лишенным (пороков)?!)*

XIV

*Суфий, обманом придающий себе вес,
Тратит драгоценное время на подражанье.*

*На кафедре он проповедует, среди людей разглагольствует,
Не стыдясь, что «прославился» своим невежеством.*

*Заботы затемнили зеркало души.
(Его) просветляет сияние божьего лика.*

*Луна и солнце души и сердца не бывают светлыми (разом):
Всегда одно пребывает закрытым, другое – открытым.*

*Как можно с помощью множества книг познать
Тайну божью, когда (это) возможно (только) с помощью мюр-
шида?*

*Он – осел, в ком нет и следа совершенства, –
Наденет ли он черную одежду или зеленую суфийскую накидку.*

*Мир, где страдает совершенный, а наслаждается невежда,
Если не прокляну я, – пусть (все) на земле и на небе меня
клянет!*

*С одним, рассуждавшим о боге, жестоко обошлись – повесили.
Поневоле мы будем говорить пустые слова.*

XV

*Проклятье терниям судьбы, проклятье и розам, цветнику!
Проклятье сопернику, проклятье и жестокой возлюбленной!*

*Проклятье наслаждающемуся на пиршестве!
Проклятье и вину, и тем, кто делает его!*

*Земля, где обитают люди, – пустыня небытия.
Проклятье каравану! Проклятье и тому, кто его ведет!*

*Что делать! Я приобрел чин и высокое положение...
Проклятье подлым продавцам! Проклятье и тем, кто
покупает!*

*В мире, где тайны познают курильщики гашиша,
Проклятье их потрясениям! Проклятье и тайне их!*

*Когда мудрец несчастлив, а невежда счастлив,
Проклятье счастью в мире, проклятье и несчастьям его!*

*Проклятье счастливому круговращению небес, проклятье и
несчастливому!
Проклятье недвижимым звездам, проклятье и движению их!*

*Божьим людям заказаны и этот свет и тот –
Постарайся не помнить ни об этом свете, ни о том.*

XVI

*Одни живут в труде ради хлеба насущного,
Другие всегда в довольстве и наслаждениях.*

*В беде нет помощи ни от богатого, ни от бедняка,
Хоть таи свои печали, хоть кричи (о них).*

*Не надейся на милость знатных мира сего. Не думай,
Что и паши и беи раздают подарки.*

*Когда голодный приходит к ним на кухню, он получает побои:
Привратники с палками в руках зорко охраняют двери.*

*Мы в такое время явились в этот бранный мир,
Когда нет милосердия ни у людей, ни у ангелов.
Соперник кичится своим постоянством, возлюбленная – жестокостью.*

Нет верности у людей, – у собак (только) есть!

*Благодаря высокому положению невежда – в зените счастья,
А людям совершенным нет места под небом.*

*О боже, найдется ли герой, который будет милосерден к нам?
Или дни наши пройдут в этих страданиях?*

XVII

*Всей душой мы предались мудрости судьбы.
Мы не печалимся, если придет горе-беда.*

*Мы оставили родные края, ушли на чужбину с мыслью:
Тяготы странствий откроют путь к славе, почету.*

*За долгие годы не осталось места, где бы мы не побывали.
Повиновались мы сердцу, безумному от любви, а оно –
страсти.*

*Где бы ни были мы, (всюду) влюблялись.
Душа пленилась луноликой красавицей.
О рассветный ветерок! если ты на дорогу в Багдад попадешь,
Ступай, учтиво послужи (моим) друзьям по веселью.*

*Если кто захочет узнать о Рухи,
Если спросит: «Ты не встречал ли того обездоленного?» –*

*Прочти тогда этот блестящий бейт и умолкни:
Верные друзья поймут, что стало с ними.*

*Теперь мы безумно влюблены в красавиц из Дамаска,
Мы во главе риндов, которых осуждают за любовь⁴⁵.*

Дидактические произведения и в пору позднего средневековья занимали в литературе значительное место. Из века в век она поддерживалась, например, проповедническими задачами литературы религиозного (ортодоксального и суфийского) содержания. Естественно присутствовала она и в философских сочинениях. В переходный период литература часто с помощью дидактических приемов осуществляла свои «учительные» функции, которые столь яркое выражение приобрели в просветительский период. Дидактика порой шла рядом с критикой, с сатирой.

Аллаеддин Сабит (1650–1712) родился в Боснии, в маленьком городке. Получив образование на родине, где он окончил медресе, Сабит прибыл в Стамбул. Однако ему, как видно, не удалось устроиться в столице, он пробыл там недолго. Большую часть своей сознательной жизни Сабит провел в городах Конья, Диярбакыр и Алеппо, в которых занимал пост кади. В 1712 г. он опять приехал в Стамбул, где вскоре и умер.

Слава Сабита как поэта быстро распространилась по Анатолии и достигла Стамбула. Многие стали ему подражать. Сам Сабит заявлял, что он подражает Наби и, следуя его примеру, вводит в свои стихи народные пословицы и поговорки. Между Наби и Сабитом были дружеские отношения, они постоянно переписывались и посвятили друг другу несколько назире. Наби писал, между прочим, в своем тезкере, что в употреблении дар би месель (пословиц) ни один поэт не может сравниться с Сабитом.

Диван стихов Сабита, дошедший до нас, показывает, что поэт с одинаковым увлечением и успехом писал как месневи, так и лирику.

Месневи его отличаются от месневи других авторов прежде всего своим содержанием.

Диван его стихов начинается короткой поэмой **«Посещение Мухаммадом семи небесных сфер»** («Мираджие») («Miradjie») где

⁴⁵ Е. И. Маиштакова. Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе. М., 1972. С. 239–248.

впервые в мусульманской литературе известное по старым легендам «вознесение» Мухаммада описано в юмористических тонах. Приведем небольшой отрывок:

*Когда он прибыл в место Лotosового дерева,⁴⁶
то отстал даже ангел,⁴⁷
Для него Седьмое небо – предел желаемого.
Прносящийся в небе бюрак⁴⁸ остановился,
Потому что та несравненная долина – не место
для резвости коня;
В тот же миг почтительно приблизился Рэфрэф
и поклонился
И, словно небо, подставил грудь тому солнцу красоты
И с ним далее пролетел он (Мухаммед) через
сто тысяч завес света и мрака.
А затем и Рэфрэф удалился, и Мухаммед остался один
Достиг он такого места, где нет ни шести свойств,
ни четырех элементов /материи/,
Не существуют земля и небо, нет ни верха, ни низа,
Нет начала и нет конца, удивительным миром был тот мир!
Не было в нем и следов языка, слуха, понятий,
разума и даже понимания.*

Поэма в короткий срок стала знаменитой, но вызвала недовольство духовенства. Поэту пришлось в конце поэмы приписать славословие Аллаху, составленное в самом серьезном старом классическом стиле.

Таким образом, переходный период средневековья отмечен поэзией, направленной на осмеяние негативных явлений в жизни Османской империи, в частности обличение мусульманского духовенства, приверженцев суфизма и др. Главные тенденции, определяющие эти перемены, связаны с расширением социального диапазона в литературе, охватывающие социально-политическую жизнь и сферу духовного мира людей⁴⁹.

⁴⁶ Лotosовое дерево, по преданию, находится у границы Седьмого неба.

⁴⁷ Имеется в виду, сопровождавший до этого места Мухаммеде архангел Гавриил.

⁴⁸ Бюрак – фантастический крылатый конь с женской головой (напоминает кентавра), на котором Мухаммед совершил полет в небо.

⁴⁹ В.С. Гарбузова. Поэты средневековой Турции. Л.: ЛГУ, 1963. С. 176–178.

Заключение

Вступление тюрков в мир ислама ознаменовало собой, как это уже было сказано, начало новой фазы их литературной истории. Обращение их в религию Мухаммада явилось результатом широкого расселения турецких рабов (гулямов) в Аббасидском халифате в IX–X вв. и деятельности миссионеров среди тюрков в эпоху иранской династии Саманидов в X в., основой которой являлись мусульманские религиозные и культурные форпосты в Мавераннахре и Хорезме. С одной стороны, ислам распространился в странах, населенных тюрками, в Средней Азии и Восточной Европе, и только лишь тюркское население немногих периферийных районов осталось за пределами влияния мусульманской религии; с другой стороны, в результате хорошо известных исторических событий, тюрки сами продвигались в мусульманском мире, стремясь к господству в большей его части и перенося свои границы в Малую Азию и на Балканы. В XI в. с возникновением Сельджукской империи начинается эпоха тюркского господства над мусульманским миром, длившаяся до недавнего времени. Тюркский язык после арабского и персидского становится третьим основным мусульманским языком, это же относится и к литературе. Связанный с исламом литературный период отмечен, прежде всего, перемещением центра литературной деятельности к западу и распространением этой литературы на огромной территории; кроме того, этот период отмечен развитием литературы единого типа, находящейся на весьма высоком художественном уровне.

Невозможно установить дату рождения этой литературы и так же невозможно, если не прибегать к предположениям, выяснить, каковы же были ее первые шаги. Никакие литературные свидетельства не дошли до нас ни от первых неофитов в древних тюркских землях, ни из областей тюркского распространения на исламизированной территории, т.е. в Египте, Сирии, Ираке либо же Средней Азии, где доля тюрков была весьма значительна, ибо, помимо тюрков-арабов, среди свободного населения также присутствовал стабильный тюркский компонент. Первое свидетельство о существовании тюркской «поэзии» в мусульманской среде восходит к первой половине XI в. и происходит из периферийного района Газны в современном Афганистане. Манучихри, знаменитый поэт при дворе газневидского правителя Мас'уда I (1030–1040), среди последователей которого были многочисленные тюркские деятели и тысячи тюркских солдат, в сво-

ем панегирике, посвященном тюркскому вельможе, обращался к нему так:

*В тюркской манере, как это у вас лучше выходит,
Декламируйте тюркские и огузские стихи!*

В основе различия между «тюркскими» и «огузскими» стихами – различия двух языковых групп, представители которых находились на службе у Газневидов. Характер «поэзии», которую имеет в виду Манучихри, остается неясным, но можно предположить, что это была поэзия, сохранившая черты сходства с первыми поэтическими образцами, дошедшими до нас и продолжающимися, как это будет видно, доисламские традиции.

Разумеется, можно предположить, что тюрки, распространившись в обширном мусульманском мире, не испытывали недостатка в средствах литературного выражения на своем собственном языке, по крайней мере в рамках устной традиции. Очевидно, тем не менее, что развитая литература могла сформироваться только под покровительством тюркской династии в районах, широко заселенных тюрками. Действительно, подобно тому, как история персидской мусульманской литературы, по-видимому, в основном была связана с персидской династией Саманидов, судьба мусульманской тюркской литературы была связана, скорее всего, с тюркской династией Караханидов, осевших во второй половине X в. по обеим сторонам Тянь-Шаня, в горностепных районах севера и в Кашгарии на юге. В этих областях буддийское, манихейское и несторианское проникновение в среду тюрков не было еще таким сильным или же, по меньшей мере, не оказало такого воздействия на культуру, как это имело место в среде уйгуров. Ассимиляция новой культуры особенно была облегчена после того, как Караханиды заняли, в ущерб интересам Саманидов, среднеазиатское Междуречье – одну из наиболее развитых в культурном отношении областей мусульманского мира.

Во владениях Караханидов начинает свое существование первая мусульманская тюркская литература, получившая название караханидской литературы. Написана она на литературном языке того же названия. Это – первая стадия существования среднеазиатского литературного языка, не отличающегося существенно от тюркского языка

монгольских надписей и уйгурских текстов, за исключением того, что в нем отразилась иная диалектная атмосфера.

Мусульманский период длился с XI в. до XIX в., а для некоторых стран – до XX в., т.е. до тех пор, когда западное влияние пробило окно в тюркский мир и открыло двери для радикального обновления в современном смысле слова. В течение этого периода тюркские литературы сохраняли единообразный характер, обусловленный единством их общего происхождения и, в известном смысле, неподвижностью мусульманской культуры, впитанной тюрками в тот период, когда они уже достигли вершины своего развития и стремились увековечить свои неизменные формы⁵⁰.

⁵⁰ Зарубежная тюркология. // Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 200–202.

Литература

1. *Л.Алькаева, А.Бабаев* Турецкая литература. Краткий очерк. – М.: Наука, 1967. – 189 с.
2. *Л.О. Алькаева* Сюжеты и герои в турецком романе. – М.: Наука, 1966. – 186 с.
3. *В.С. Гарбузова* Поэты средневековой Турции. – Л.: ЛГУ, 1963. – 201 с.
4. *Ш.И. Гадимова*. У истоков турецкой письменной светской литературы «Диван»: «Кутадгу Билиг» Юсуфа Баласагуни [Текст] / Ш.И. Гадимова // Молодой ученый. – 2011. – № 2. – Т. 1. – С. 185–190.
5. Зарубежная тюркология. Вып. 1 Древние тюркские языки и литературы. – М., 1986. – 384 с.
6. Из старой турецкой поэзии / сост. И. Боролина. – М., 1978. – 285 с.
7. Литература Востока в средние века Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. – М.: МГУ, 1970. – 464 с.
8. Литература Востока в средние века: тексты / под ред. Н.М. Сазановой. – М.: МГУ, 1996. – 480 с.
9. *Маштакова Е. И.* Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе. – М., 1972. – 280 с.
10. Михри-хатун. Диван. М.: Наука, 1967. – 120 с.
11. Средневековая татарская литература VIII – XVIII вв. под ред. Н.Ш. Хисамова. Фэн, 1999. – 240 с.

Электронные ресурсы

1. <http://www.tarikat.narod.ru/poetry.html>
2. www.russianplanet.ru/filolog/epos/dede/index.htm Турецкий эпос "Книга моего деда Коркута"

Тематические вопросы для самопроверки

1. В чем особенность общетюркской культурной традиции?
2. Каковы особенности воздействия персидской и арабской культурных традиций и специфика их освоения турецкой литературой?
3. В чем заключаются общественно-исторические и философские корни суфизма и каковы особенности его распространения в условиях Малой Азии?

4. Какова роль Джелалэддина Руми в пропаганде суфийской идеологии?
5. В чем особенность художественного наследия Султана Веледа?
6. В чем значимость творчества Ахмеда Факиха и его «Книга судьбы» («Чарх-наме»)?
7. В чем значимость творчества Шейяда Хамзы и его поэмы «Юсуф и Зелиха»?
8. В чем значимость творчества Гульшехри и его поэм «Беседа птиц», «Чудесные деяния Ахи-Эврана»?
9. Юнус Эмре. Философские и этические проблемы в поэзии поэта.
10. Дидактическое произведение «Назидательные послания» Ю. Эмре.
11. Ашык-Паша. Поэма «Факр-наме», «Поэма скитальца» («Гариб-наме»).
12. Зарождение светской поэзии. Деххани. Особенности лирики поэта.
13. Как отразились вольнодумные тенденции в поэзии ашыка Бедреддина Симави?
14. Героический эпос «Книга моего деда Коркута».
15. Каковы содержание, основные идеи и образы воинской повести «Баттал-наме»?
16. Какова историческая основа «Сказания о Мелике Данышменде» и его преемственность по отношению к «Баттал-наме»?
17. Каковы особенности агиографической литературы и турецких сказаний о жизни и чудесах пророка Мухаммада, дастанов о подвигах Али?
18. В чем особенность творчества Сулеймана Челеби и его поэмы «Мевлид» («Рождение пророка»).
19. Как отразились возрожденческие тенденции в литературе 2-ой половины XV – XVI вв?
20. Тематические особенности творчества Михри-хатун.
21. В чем значимость творчества Рухи Багдади? Газели поэта и его «Теркиб-и бенд»?
22. Народная проза. Анекдоты о Ходже Насреддине.
23. В чем значимость творчества Пир Султан Абдала?
24. Каковы особенности критических тенденций в литературе XVII в.?
25. В чем значимость творчества Аллаеддина Сабита?

Тестовые задания

Тест № 1.

1. Установи последовательность основных периодов турецкой литературы:

- а) классический;*
- б) древний;*
- в) средневековый;*
- г) раннеклассический;*
- д) староклассический;*
- е) мифологический.*

2. Памятники, относящиеся к древнему периоду истории турецкой литературы:

- а) анонимная народная литература;*
- б) эпиграфика;*
- в) пословицы;*
- г) эпос;*
- д) месневи;*
- е) гадательные книги.*

3. Автор произведения «Кутатгу-билиг» («Знание, приносящее счастье»):

- а) Ахмет Ясави;*
- б) Дед Коркут;*
- в) Кашигарлы Махмут;*
- г) Юсуф Хас Хаджип;*
- д) Ахмед бине Махмуд Югнаки.*

4. Автор произведения «Диван-и люгат-ит тюрк» (Первый словарь турецкого языка):

- а) Ахмет Ясави;*
- б) Дед Коркут;*
- в) Кашигарлы Махмут;*
- г) Юсуф Хас Хаджип;*
- д) Ахмед бине Махмуд Югнаки.*

5. Автор произведения «Атабет-юл хакаи» («Равенство настоящего»):

- а) Ахмет Ясави;*
- б) Дед Коркут;*
- в) Кашгарлы Махмут;*
- г) Юсуф Хас Хаджип;*
- д) Ахмед бине Махмуд Югнаки.*

6. Автор произведения «Диван-и хикмет»:

- а) Ахмет Ясави;*
- б) Дед Коркут;*
- в) Кашгарлы Махмут;*
- г) Юсуф Хас Хаджип;*
- д) Ахмед бине Махмуд Югнаки;*

7. Первое крупное кочевое объединение, в которое входило тюркское племя гуннов, образовалось в:

- а) III в. до н.э.;*
- б) III в. н.э.;*
- в) середина I в. до н.э.;*
- г) VI в. н.э.;*

Тест № 2.

1. Малая поэтическая форма, содержащая от 5 до 15 бейтов, называется:

- а) рубаи;*
- б) туюг;*
- в) газель;*
- г) касыда;*
- д) месневи;*
- е) кыта.*

2. В каком из видов поэзии в последнем бейте указывается тахаллус (имя автора):

- а) рубаи;*
- б) туюг;*
- в) газель;*
- г) касыда;*

- д) *месневи*;
- е) *кыта*.

3. Крупная поэтическая форма от 20 до 200 бейтов, основными частями которой являются введение и мадих, называется:

- а) *рубайи*;
- б) *туюг*;
- в) *газель*;
- г) *касыда*;
- д) *месневи*;
- е) *кыта*.

4. Особый вид произведений турецкой поэзии, в которой используется особый вариант размера – рамал, называется:

- а) *рубайи*;
- б) *туюг*;
- в) *газель*;
- г) *касыда*;
- д) *месневи*
- е) *кыта*.

5. Перечисли основные этапы суфизма:

- а) *сабр*;
- б) *шариат*;
- в) *макам*;
- г) *тарика*;
- д) *хакика*;
- е) *тауба*.

6. Каким термином обозначался образ стоянок на пути:

- а) *шариат*;
- б) *вара*;
- в) *харам*;
- г) *макам*;
- д) *халал*.

7. Важное место в жизни суфиев занимали различия между:

- а) *тауба*;
- б) *факр*;

- в) *макам*;
- г) *халал*;
- д) *таваккул*;
- е) *харам*.

8. Суфизм распространялся в Малой Азии разными путями:

- а) *торговый*;
- б) *книжный*;
- в) *интернет*;
- г) *религиозный*;
- д) *устный*.

Тест № 3.

1. Духовным наставником Джелалэдина Руми был:

- а) *Бахаэддин Велед*;
- б) *Тандук Эмре*;
- в) *Алаэддин Челеби*;
- г) *Шамседдин Табрези*.

2. Как назывались плясовые радения дервишей, которые ввел Дж. Руми:

- а) *факр*;
- б) *иджаза*;
- в) *зикр*;
- г) *зухд*;
- д) *захид*.

3. Автором дидактической поэмы «Месневи-и маневи» («Поэма о скрытом смысле») был:

- а) *Юнус Эмре*;
- б) *Султан Велед*;
- в) *Ахмед Факих*;
- г) *Дж. Руми*;
- д) *Деххани*;

4. Укажи, в какой последовательности была написана трилогия Султана Веледа:

- а) *«Рюбаб-наме»;*
- б) *«Ибтида-наме»;*
- в) *«Интиха-наме»;*
- г) *«Маариф».*

5. Кто автор поэмы «Книга судьбы»?

- а) *Шейяд Хамза;*
- б) *Гюльшехри;*
- в) *Юнус Эмре;*
- г) *Ашык-паша;*
- д) *Ахмед Факих.*

6. Из какой поэмы данные строки:

***«Все гурьбой столпились около него,
В жизни не видал никто красивее его»:***

- а) *«Сухейль и Невбахар»;*
- б) *«Варака и Гюльшах»;*
- в) *«Лейла и Меджнун»;*
- г) *«Юсуф и Зелиха»;*
- д) *«Хюсрев и Ширин».*

7. Поэма «Беседа птиц» была написана на сюжет одноименной поэмы персидского поэта:

- а) *Аттара;*
- б) *Фирдауси;*
- в) *Газали;*
- г) *Низами;*
- д) *Гюльшехри.*

8. Кто стоял у истоков зарождения светской поэзии:

- а) *Ашык -паша;*
- б) *Деххани;*
- в) *Султан Велед;*
- г) *Кайгусуз Абдал;*
- д) *Хамзави.*

9. Авторская поэзия, распространяющаяся в устной передаче, сопровождаемая игрой на сазе, называлась:

- а) суфийская поэзия;*
- б) ашыкская поэзия;*
- в) народная поэзия;*
- г) диванная поэзия;*
- д) анонимная поэзия.*

10. Героический эпос «Книга моего деда Коркута», по Дрезденской рукописи, состоял из:

- а) введения, основной части и заключения;*
- б) шести частей;*
- в) одной главы;*
- г) двенадцати частей;*
- д) введения и двенадцати частей.*

11. Артухи – это персонаж сказания:

- а) Баттал-наме;*
- б) Книга моего деда Коркута;*
- в) Сказание о Мелике Данышменде;*
- г) Хамза-наме.*

12. Автор эпической поэмы «Рождение пророка»:

- а) Султан Велед;*
- б) Алаэддин Челеби;*
- в) Ахмеди;*
- г) Сулейман Челеби;*
- д) Дед Коркут.*

Тест № 4.

1. Как называется жанровая форма, представляющая собой цепочку стрóf, каждая из которых является законченной газелью:

- а) рубаи;*
- б) туюг;*
- в) бенд;*
- г) касыда;*

- д) *месневи*;
- е) *кыта* .

2. Автором какого произведения является Рухи Багдади:

- а) *«Сюмбюль касыдасы»*;
- б) *«Проклятье»*;
- в) *«Книга советов»*;
- г) *«Теркиб-и бенд»*;
- д) *«Дар влюбленных»*;
- е) *«Шах и Ниций»*.

3. Автором одного из первых опытов создания турецкой «Пятерицы» («Хамсе») был поэт:

- а) *Ташлыджалы Яхья*;
- б) *Осман Лямиш*;
- в) *Рухи Багдади*;
- г) *Гювахи*;
- д) *Мухаммед Абдул Бакы*;
- е) *Хамдуллах Хамди*.

4. В состав чьей «Пятерицы» входила поэма «Мухаммедие»:

- а) *Ташлыджалы Яхья*;
- б) *Осман Лямиш*;
- в) *Рухи Багдади*;
- г) *Гювахи*;
- д) *Мухаммед Абдул Бакы*;
- е) *Хамдуллах Хамди*.

5. В состав чьей «Пятерицы» входила поэма «Эбсаль и Селаман»:

- а) *Ташлыджалы Яхья*;
- б) *Осман Лямиш*;
- в) *Рухи Багдади*;
- г) *Гювахи*;
- д) *Мухаммед Абдул Бакы*;
- е) *Хамдуллах Хамди*.

6. В состав чьей «Пятерицы» входила поэма «Книга основных правил»:

- а) Ташлыджалы Яхья;*
- б) Осман Лямии;*
- в) Рухи Багдади;*
- г) Гювахи;*
- д) Мухаммед Абдул Баки*
- е) Хамдуллах Хамди.*

7. Какие поэмы не входят в состав «Пятерицы» Хамдуллаха Хамди:

- а) «Дар влюбленных»;*
- б) «Свеча и Мотылек»;*
- в) «Шах и Ниций»;*
- г) «Юсуф и Зелиха»;*
- д) «Вис и Рамин»;*
- е) «Рождение пророка».*

8. Какие поэмы не входят в состав «Пятерицы» Мухаммада ибн Османа Лямии:

- а) «Дар влюбленных»;*
- б) «Свеча и Мотылек»;*
- в) «Шах и Ниций»;*
- г) «Юсуф и Зелиха»;*
- д) «Вис и Рамин»;*
- е) «Рождение пророка».*

9. Какие поэмы не входят в состав «Пятерицы» Ташлыджалы Яхья:

- а) «Дар влюбленных»;*
- б) «Свеча и Мотылек»;*
- в) «Шах и Ниций»;*
- г) «Юсуф и Зелиха»;*
- д) «Вис и Рамин»;*
- е) «Рождение пророка».*

Тест № 5

Назови автора и название произведения:

1.

Лук судьбы мечет в людей стрелы смерти,
Знай, нет пути, чтоб стрела не попала.
Рок-судьба знает ли доброе дело?
Гнать всех из мира она не устала.
Старца не терпит она и младенца,
Юношу гонит, и все-то ей мало!
Смертную чашу тебе преподносит,
Чтобы то вино и тебе перепало.

2.

Что Кааба для мусульман, то для тебя душа.
Свершай вокруг этой Каабы обход свой не спеша.
Паломничество совершать нам заповедал Бог,
Чтоб душу правде обрекли, чтоб жили не греша.

Так откажись от серебра – лишь сердцем обладай:
Душа святая и в гробу пребудет хороша.

Сто раз ты можешь обойти вокруг черной Каабы,
Но что же в этом, если ты бесстрастней палаша?

3.

Темный дом твой этой ночью светлым стал,
Потому что в доме месяц засиял,

Не осталось в этом доме темноты –
Темноту из дома яркий свет прогнал.

А когда вокруг светло, то видно всем –
Вор остался в доме или убежал.

Что за светлый дождь пролился в душу мне!
В ней цветник расцвел и радость сердцу дал.

4.

Вмиг с ума сводила Юсуфа красота,
Люди лишь вздыхали, наступала немота.

Те, кто не могли в тот день оставить дел своих,
На другой уж день платили по два золотых.

В третий день по три монеты каждый заплатил,
Все рвались смотреть Юсуфа, не жалея сил.

После по четыре золотых народ платил,
Радуюсь, что дешево, и скидки не просил.

5.

Строят мост ради пользы своей слуги бога, -
Польза в том, чтобы открылась пред ними дорога,
Чтобы с прочной основы моста не свернуть,
Чтоб идущий сказал: «Это правильный путь».

На весах ты мои хочешь взвесить пороки,
Чтоб низвергнуть в огонь меня адский, жестокий.

Но кому надлежит доверяться весам?
Бакалейщикам, мелким торговцам, купцам!

Тот, кто грешен, тот грязью нечистого грязен,
Самый грех при себе, о творец, безобразен.

6.

Поговорили они между собой немного
И сказали, что хочется им халвы.

Иудей сказал: «Устроим-ка мы угощенье.
Пусть каждый выложит акче и купим халву».

Тогда по акче вынул каждый из трех.
Один пошел и купил халвы на базаре.

Появилась халва; они сели в кружок.
Иудей сказал: «Послушайте, что нам желательно:

Охота (поесть) большая, да халвы-то чуть-чуть!».
Христианин сказал: «Съедим – много ли, мало ли...»

7.

Здравствуй, о вечная душа, здравствуй!
Здравствуй, о виночерпий влюбленных, здравствуй!
Здравствуй, о соловей сада красоты,
Здравствуй, о друг, обладающий красотой,
Здравствуй, о падишах двух миров,
Так как для тебя сегодня отведено / первое / место.

8.

Вдруг перед ним завеса раскрылась,
Из-за нее луна появилась,
Та луна, что красою весь мир освещает,
И за которой каждый день следует солнце.
Шербет ее уст – целебен для душ,
А кудри с ума свести могут любого....

9.

Его величество хакан великий, падишах беспримерный.
Создал его в мире самый знающий и почитаемый (Аллах).
С тех пор как явилось миру сияние его красоты,
Утопает в свете этот мир, а мрак ушел в небытие.
Совершенен нравом он и добротой, несравненен и бесподобен
Прекрасен он своими знаниями и кротостью; он – владыка
красоты.
Ныне он в мире такой шах, во всем справедливый, что
В его царстве никто никогда огорчений не терпит.
Он – султан Ахмед, который сегодня – источник благих дел,
На султанском троне он – шах вселенной, великий.

10.

Смотри на праведника, который говорит: «Я указую путь
истинный».
Вчера (еще) ходил он в школу, а сегодня говорит: «Я учитель!».

В питейном доме ищет он (духовного) опустошения,
разрушения.

Жалкий, он среди развалин говорит: «Я процветаю!»

Пусть ни на миг из рук не выпускает чашу вина, похожую
на розу,

Тот, кто в этой обители печали говорит: «Я доволен!»

Пусть станет презренным рабом, кто строен, как кипарис,
Кто говорит: «Я в мире свободен от тоски».

Сердцем страждущий, он жизнь проводит в горе бедствий,
А говорит: «Я – Ферхад – победитель!».

Рекомендуемая литература

Основная литература

1. *Алькаева Л., Бабаев А.* Турецкая литература Краткий очерк. Л. Алькаева, А. Бабаев. – М., 1967.
2. *Боролина И.В.* Литература Турции / И.В.Боролина – Литература Востока и новое время. – М.: МГУ, 1975.
3. *Гарбузова В.С.* Литература Турции / В.С.Гарбузова // – Краткая история литератур Ирана, Афганистана, Турции. – Л., 1971.
4. *Гарбузова В.С.* Поэты средневековой Турции / В.С. Гарбузова. – Л., 1963.
5. *Маштакова Е.И.* Турецкая литература конца XVII – начала XIX в. Е.И. Маштакова. – М., 1984.
6. *Маштакова Е.И.* Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе (XIV –XVII вв.).Е.И. Маштакова. – М., 1972.
7. Литература Востока в средние века Ч. II / под. ред. Н.И. Конрада. – М.: МГУ, 1970.

8. *Смирнов В.Д.* Очерк истории турецкой литературы В.Д. Смирнов. – СПб., 1891.
9. *Фиш Р.* Джелалэддин Руми. Р.Фиш. – М., 1987.
10. Хрестоматия по турецкой литературе XIII – XVII вв. // составитель Нигматуллина А.М. – Казань: Казан ун-т, 2008.

Дополнительная литература:

1. *Белова К.* Вопросы национального развития в турецкой социологии, литературе, критике. К Белова // Теории, школы, концепции. Художественный процесс и идеологическая борьба. – М., 1975.
2. *Боролина И.В.* Из истории турецкой драматургии (от драмы народной – к драме авторской). И.В.Боролина // – Вестник Московского университета, сер. 13, Востоковедение, – 1983, № 2.
3. *Боролина И.В.*, Некоторые проблемы турецкого Просвещения. / И.В. Боролина, И.Р. Сони́на. Труды межвузовской научной конференции по истории литератур зарубежного Востока. – М., 1970.
4. *Боролина И.В.* Тюркские литературы и фольклор. И.В. Боролина. – М., 2004.
5. Зарубежная тюркология. Вып. 1 Древние тюркские языки и литературы. – М., 1986.
6. *Меликли Т.* История литературы Турции: учебное пособие / Т. Меликли. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010.
7. *Меликли Т.* Турецкая литература: Корни и Крона. Т. Меликли. – М., 1998.
8. *Сибгатуллина А.Т.* Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX – XX вв. / А.Т.Сибгатуллина. – М.: Исток, 2010.
9. *Райхл К.* Тюркский эпос. Традиции, формы, поэтическая структура. / К Райхл. – М.: Восточная литература, 2008.
10. *Стеблева И.В.* Поэзия тюрок VI – VIII веков. / И.В. Стеблева. – М., 1965.

11. *Стеблева И.В.* Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. / И.В. Стеблева. – М., 1971.

12. *Фомкин М.* Сокровища восточной мудрости. Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. – Л., 1990.

Электронные ресурсы:

1. [www. Stanbul.ru](http://www.Stanbul.ru)
2. www.feb-web.ru (фундаментальная электронная библиотека)
3. www.tr.wikipedia.org/wiki/Yakub_Kadri_Karaosmanolu
4. <http://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20EDEBIATI>
5. http://turkey-info.ru/interesting/who_is_who.html
6. <http://stanbul.ru/content/blogcategory/400/522/>

**Исламская тематика в творчестве
турецких поэтов средневековья**

ХРЕСТОМАТИЯ

Корректор и компьютерная верстка –
Г.Т.Гилязова

Подписано в печать 11.02.2014.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 6,9
Уч.-изд. л. 4.48. Тираж 85 экз. Заказ 75/2.

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28